

О КНИГЕ

Город, построенный в III веке до н. э. и разрушенный 250 лет спустя, восстановленный и вновь разрушенный, сожженный и опять восстановленный - таким предстает перед нами Танаис, на протяжении 600 или 700 лет являвшийся главным городом Приазовья, важнейшим торговым центром в степях Дона и Волги. Окончательно погибший под ударами кочевых орд гуннов, он был забыт, и место, где стоял Танаис, затерялось в бескрайних донских степях. История поисков этого города, его открытия и раскопок составляет содержание предлагаемой книги. В ней повествуется о жизни древнего населения Танаиса, о романтике археологических экспедиций и открытий, о том, как ученые заставляют камни и черепки, древние погребения и развалины зданий рассказывать о жизни, быте, культуре давно умерших поколений.

Дмитрий Борисович Шелов 'Танаис - Потерянный и найденный город'

1-6-2

39-67

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1967

Утверждено к печати редколлегией

научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор издательства В. П. Большаков

Художник Л.С. Кассис

Технический редактор И. Н. Дорохина

Сдано в набор 26/VIII-1966 г.

Формат 84*108 1/32. Бумага типографическая №1. Усл. печ. л. 7,56.

Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 30000 экз. Т-15729. Тип. зак. №1254.

Издательство "Наука". Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства "Наука". Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Город, построенный в III веке до н. э. и разрушенный 250 лет спустя, восстановленный и вновь разрушенный, сожженный и опять восстановленный - таким предстает перед нами Танаис, на протяжении 600 или 700 лет являвшийся главным городом Приазовья, важнейшим торговым центром в степях Дона и Волги. Окончательно погибший под ударами кочевых орд гуннов, он был забыт, и место, где стоял Танаис, затерялось в бескрайних донских степях. История поисков этого города, его открытия и раскопок составляет содержание предлагаемой книги. В ней повествуется о жизни древнего населения Танаиса, о романтике археологических экспедиций и открытий, о том, как ученые заставляют камни и черепки, древние погребения и развалины зданий рассказывать о жизни, быте, культуре давно умерших поколений.

- ОТ АВТОРА
- ПОЛКОВНИК СТЕМПКОВСКИЙ
  - Вдоль берегов Мертвого Донца
  - Где находился древний город?
- ПРОФЕССОР ЛЕОНТЬЕВ И ДРУГИЕ
  - Грабители и ученые
  - Первые раскопки
  - Сколько было Танаисов?
  - Надежды и разочарования
  - Гибель некрополя Шелов Д.Б. 'Танаис - потерянный и найденный город' - Москва: 'Наука', 1967 - с.144
- РОМАНТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
  - Городище в Недвиговке
  - В экспедицию!
  - Трудности и радости открытий
  - После трудового дня
  - Прощай, Танаис!
- ИЗ РУИН И ПЕПЛА
  - В пыли архивов
  - Умершие города
  - Когда лопата совершеннее экскаватора
  - Раскопки могил
  - Археолог за письменным столом
- ВАРВАРЫ И ЭЛЛИНЫ
  - Скифы
  - Сарматы
  - Греки
- ДОПОЛЕМОНОВСКИЙ ТАНАИС
  - На улицах и в домах древнего города
  - Торжище эллинов и варваров
  - Разгром Танаиса царем Полемоном
- ФОРПОСТ АНТИЧНОГО МИРА
  - Надпись на мраморе
  - Дом торгового посредника
  - Коммерция и боги
  - Хозяйство горожан
  - Общественная жизнь
- КОНЕЦ ТАНАИСА
  - Катастрофа
  - Жизнь на пепелище
- ГОРОД МЕРТВЫХ
  - Могилы танаисцев

- Провал на дороге
- Грек или варвар?
- ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ОТ АВТОРА

При каждом новом знакомстве с человеком одним из первых вопросов, который мы задаем, бывает вопрос о том, чем он занимается, в какой области работает. И когда, отвечая на такой вопрос, приходится говорить, что моей специальностью является археология, это почти всегда вызывает одну и ту же реакцию. Одно упоминание археологии пробуждает горячий интерес у собеседника, у него возникает множество вопросов, и разговор превращается в импровизированную лекцию об археологических раскопках и находках. Самые разные люди и в самых различных условиях с интересом расспрашивают о работе археологов, о древностях, скрытых под землей и добываемых раскопками. Очень многие высказывают желание побывать на раскопках, участвовать в экспедиции. И врач в московской поликлинике, и квартирная хозяйка в далеком степном хуторе, куда занесла нас наша беспокойная профессия, и случайный попутчик в самолете международной авиационной линии, и паромщик на глухой речной переправе с одинаковым живым любопытством расспрашивают нас о том, как очутились под землей целые древние города, как узнают об этом археологи, как выбирают место для раскопок, как производятся раскопки курганов или городов, что находят при таких раскопках, какое значение имеют археологические раскопки, и о многом, многом другом. Романтика далеких экспедиций, неожиданность новых открытий, тайны древней жизни, погребенные в земле и тысячелетиями дожидаящиеся своих исследователей,- все это властно привлекает к археологии сердца не только ученых, но и людей, по роду своих занятий очень далеких от всяких вопросов истории. И пусть лишь немногим из этих людей удастся в Действительности принять участие в экспедиции или хотя бы побывать на археологических раскопках, их заинтересованность в изучении и охране памятников древней культуры чрезвычайно важна и дорога, как верный показатель того, что народ ценит и любит эти памятники, интересуется трудом людей, их изучающих.

Благородный интерес к прошлому своего народа, к родной истории становится в наши дни все более всеобщим. На всей огромной территории нашей страны, в любом ее уголке сохранились памятники древней истории и культуры. Непрístupные средневековые крепости и молчаливые степные курганы, старинные деревянные церкви на севере и мраморные колонны античных храмов на юге, древние рудники и оросительные каналы, остатки городов и поселения, гробницы и могилы - каких только древностей нет на обширных пространствах нашей Родины! Одни из этих свидетелей давно минувшей жизни еще возвышаются над поверхностью земли, целые или полуразрушенные поражая экскурсантов или случайных посетителей мощью своих стен, красотой архитектурных форм, богатством и изяществом орнаментальных узоров; другие скрыты глубоко под землей и становятся известны только после длительных и трудоемких археологических исследований. Но все они рассказывают о героической истории народов населяющих нашу страну, о трудолюбии и таланте наших предков, о высокой культуре городов и государств, некогда существовавших на территории Родины.

Мы - наследники всех этих культурных ценностей наследники многих и многих поколений умерших людей создателей и борцов, творцов и художников, любивших свою землю, украшавших ее своим трудом, отстаивавших ее свободу в боях против иноземных врагов. И мы не можем равнодушно относиться к тому громадному культурному наследию, которое оставили нам наши предки. Советские люди, строя новую жизнь, новое общество не могут и не желают забывать о славных страницах своей истории. Поэтому так ценят они прекрасные памятники архитектуры и искусства, письменности и ремесла, дошедшие до нас сквозь многие столетия и даже тысячелетия, созданные трудом и талантом давно умерших поколений. Поэтому и существует такая сильная тяга к познанию прошлого по его памятникам, к знакомству с материальными остатками древней жизни, с музеями, где эти остатки хранятся, с раскопками, где они добываются.

Для любознательного человека интересно не только ознакомление с новыми фактами, добытыми наукой, но и с самим процессом научных исследований, с историей научного поиска. В наш век великого научного прогресса люди все чаще стремятся узнать, как делаются новые открытия в науке, какими путями, какими методами приходят ученые к познанию окружающего мира, его прошлого, настоящего и будущего. И не случайно все большую популярность обретает сравнительно новый в литературе жанр - рассказы ученых о поисках и находках, о поэзии научных открытий.

Археология представляет для этого жанра неограниченные возможности. Как увлекательные романы читаются истории великих археологических открытий прошлого: открытие Г. Шлиманом Трои и цивилизаций Эгейского мира, находка Г. Картером гробницы египетского царя Тутанхамона и многое другое. И сравнительно недавние открытия замечательных скальных рисунков в Северной Африке, древних рукописей в районе Мертвого моря стали широко известны благодаря увлекательным повествованиям об этих находках. А богатейшие археологические памятники нашей страны! Некоторые из них, как древние города Хорезма, берестяные грамоты Новгорода, древности Москвы, стали известны широкому читателю из научно-популярных книг и очерков археологов, другие, иногда не менее интересные, еще ждут, чтобы о них рассказали.

Книга, которую вы держите в руках, расскажет о раскопках только одного памятника - древнего города Танаиса в устье Дона. Может быть, он и не самый интересный и не самый важный из многих сотен и тысяч объектов, исследованием которых занимаются археологи нашей страны. То, о чем я написал в этой книге, лишь пример работы археологов над изучением далекого прошлого нашей Родины. Но в этом примере отразились многие характерные черты нашей археологии, ее достижения и ее недостатки, ее история и ее современное состояние.

Мне нетрудно было подобрать факты для этой книги. Руководя в течение более 10 лет раскопками Танаиса, я имел возможность хорошо познакомиться с тем материалом, который лег в основу этой книги. Гораздо труднее было изложить его так, чтобы читатель мог воочию представить себе и историю раскопок, и методы современных археологических исследований, и повседневный быт экспедиции, и открытые раскопками древности, и самую жизнь древнего города. И труднее всего рассказать обо всем этом так, чтобы читатель не заснул над первыми же страницами, не отбросил бы книги, а дочитав ее до конца, извлек бы из нее для себя хоть крупицу нового знания об одной из самых любопытных специальностей - археологии - и об изучаемых ею памятниках. Удалось ли мне достичь этого - судить вам, дорогой читатель.

ПОЛКОВНИК СТЕМПКОВСКИЙ

Вдоль берегов Мертвого Донца

Осень в 1823 г. стояла на редкость сухая и солнечная. Погожим октябрьским днем по большому почтовому тракту, что соединял военную крепость Таганрог с уездным городом Елисаветпольской губернии Ростовом, катилась в клубах густой желтой пыли дорожная коляска, запряженная тройкой рослых лошадей. В коляске, глубоко задумавшись, сидел молодой чернобровый офицер с высоким чистым лбом и живыми глазами.

Полковник Иван Алексеевич Стемпковский следовал в Ростов и далее на Волгу, в Саратов, по казенной надобности, но мыслями был далек от цели этой поездки. Закрыв глаза и слегка откинувшись на подушки сидения, полковник думал о том, как странно складывается его жизнь. С юных лет носил он военный мундир, службу исполнял ревностно и в войне на Кавказе успел отличиться. И наградами и чинами не был обойден - в 29 лет был он уже полковником. Высокие покровители его - герцог Ришелье и граф Воронцов ценили молодого полковника не только как храброго офицера, но и как способного администратора. И все же не военная и не чиновничья карьера составляла его призвание. Весь смысл его жизни заключался в другом - в изучении древностей, в отыскивании древних вещей, надписей, монет, так много говоривших его сердцу. Воссоздание по этим обломкам древней жизни, славной истории родной земли - его патриотический долг. Ведь недаром, будучи в течение нескольких лет адъютантом дюка де Ришелье в Париже, он тратил долгие часы на рассматривание древних монет в Кабинете медалей. Недаром ученая беседа со знаменитым французским археологом Рауль-Рошеттом или штудирование сочинений древних авторов Плутарха и Сенеки привлекали его куда больше, чем менуэты и котильоны пышных балов при дворе Людовика XVIII, чем военные- парады и разводы на Марсовом поле. Недаром он с таким вниманием слушал ученые споры во Французской Академии надписей, и не случайно эта прославленная Академия избрала молодого русского офицера своим членом-корреспондентом. Иван Алексеевич уже попробовал свои силы на поприще науки, напечатал несколько статей по древней истории юга России.

Иван Алексеевич Стемпковский

Совсем недавно он подал генерал-губернатору Новороссии светлейшему графу М. С. Воронцову докладную записку об организации исследований древностей южной России и теперь ожидал, что из этого выйдет. Он не мог еще, конечно, знать, что следствием этой

записки будет организация двух первых в Причерноморье археологических музеев - Одесского и Керченского, и что сам он несколько лет спустя ради возможности заниматься раскопками и исследованиями крымских древностей примет пост керченского градоначальника, что недолгое его пребывание на этом посту ознаменуется открытием одного из самых замечательных памятников греко-скифской культуры - знаменитой впоследствии царской гробницы Куль-оба, открытием, с которого начнется новый этап в истории русской археологии, что и умереть ему предстоит в той же Керчи и в очень скором времени, от чахотки, навеки утвердив свое имя в истории отечественной науки.

Не знал Иван Алексеевич Стемпковский и того, что нынешняя его поездка вдоль берегов устья Дона положит начало археологическому исследованию этого богатейшего остатками древности уголка русской земли. Теперь же, покачиваясь на мягком сиденье коляски, подъезжавшей уже к Ростову, он вновь и вновь вспоминал отрывок из сочинения древнего греческого географа Страбона, которого много раз перечитывал во французском переводе. В отрывке этом говорилось о том, что при впадении реки Танаис в Меотийское озеро лежал город, основанный греками, тоже называвшийся Танаисом. Город этот был разрушен царем Полемоном за неповиновение его жителей, а до этого он служил местом торговли греков и окрестных кочевников: в нем шел торг рабами, а также мехами, винами и другими товарами. Все это было написано Страбоном более 1800 лет тому назад, в I в. н. э., но занимало Стемпковского потому, что он ехал сейчас по тем самым местам, о которых писал Страбон. Ведь Меотийским озером греки называли Азовское море, вдоль берега которого еще сегодня утром катилась его коляска, а река Танаис - это греческое название тихого Дона, блестящего и переливающегося под солнцем справа от дороги. Где же находился древний город Танаис, основанный при впадении реки в море? Там, где правый рукав Дона Мертвый Донец вливается в Азовское море, нет никаких следов города. Но ведь за многие сотни лет береговая линия могла измениться. А может быть, Танаис находился не на правом, а на левом берегу донской дельты, в окрестностях современного Азова? Во всяком случае большой торговый город, даже и разрушенный и покинутый жителями, не мог исчезнуть бесследно. Его можно и нужно найти и, таким образом, открыть еще одну страницу в древней истории страны. Стемпковский нарочно завернул на этот пустынный почтовый тракт, чтобы осмотреть места по высокому правому берегу Дона, где, по его убеждению, мог располагаться древний город. И он был почти уверен теперь, что нашел его остатки.

Еще находясь в Таганроге, он настойчиво расспрашивал местных жителей, особенно стариков, о развалинах о находках каких-нибудь древностей в окрестностях. Но ничего определенного ему рассказать не могли. Стемпковский узнал только, что на половине пути из Таганрога в Ростов, недалеко от дороги, но которой ему предстояло ехать, около небольшого сельца Недвиговки, что приютилось на высоких склонах коренного правого берега Дона, заметны какие-то «окопы», может быть оставшиеся со времени войн с турками, а может быть и более древние. Там местные крестьяне находят иногда медные монеты и черепки каких-то старинных кувшинов, вероятно турецких. А впрочем, добавляли собеседники Стемпковского, ничего интересного в этом месте нет и ездить туда, конечно, не стоит. Но он не послушался этих советов, завернул в Недвиговку и нисколько не жалеет об этом.

Недалеко от Недвиговки, в нескольких верстах от моря на возвышенном плато, откуда открывался чудесный вид на широкое русло Мертвого Донца, на подернутые дымкой плавни донской дельты с разбросанными, там и сям группами желтеющих деревьев, на далекий, едва заметный противоположный азовский берег, нашел Иван Алексеевич Стемпковский древние укрепления. Они живо напомнили ему хорошо знакомые остатки древнего греческого города Ольвии около крепости Очаков, где не раз доводилось ему бывать во время службы в Одессе. Глубокий ров окружал то, что осталось от укреплений. Над рвом виднелся вал, а под его насыпью угадывались фундаменты каменных стен и основания башен. Повсюду валялись обломки древней глиняной посуды. Но это не были турецкие кувшины, нет, он прекрасно знал эти большие хорошо обожженные сосуды с острым дном, он видел их в парижских

музеях - подобные сосуды выделывали только греки. В таких сосудах - амфорах - греки хранили и перевозили вино, воду, растительное масло. Но если на месте древней крепости встречаются обломки греческих амфор, это значит, что в ней жили греки или что они торговали здесь своими товарами. Место это как нельзя лучше было приспособлено и для торговли по реке и по морю, и для обороны от нападения врагов: прямо под горою у самой подошвы городища протекал судоходный Мертвый Донец. Где же еще, если не здесь, мог существовать Танаис, древнейший город Приазовья и Подонья, торговый центр придонских степей? И наконец, монеты, найденные на месте древнего города, - ведь это монеты боспорских царей, владения которых охватывали Крым, Таманский полуостров и простирались по берегам Азовского моря до устья Дона. А из сообщений древних авторов известно, что Танаис подчинялся царям Боспора. Все говорило за то, что развалины у села Недвиговки - это остатки древнего Танаиса.

Глубокий ров окружает остатки древнего города

Размышляя таким образом, Иван Алексеевич не заметил, что коляска миновала полосатый шлагбаум с будкой, отдающего ему честь будочника и уже катилась по пыльным улочкам уездного городка. Но тряска по булыжной мостовой главной улицы Ростова вернула его в мир действительности и заставила вспомнить о неотложных делах службы, от коих отвлекся он так далеко. Все же на обратном пути, подумал Стемпковский, он обязательно вновь посетит эти места и постарается окончательно решить загадку древнего города.

Где находился древний город?

Прошло несколько месяцев, и ранним апрельским утром хозяин единственных в Ростове «номеров» для проезжающих вновь увидел запомнившегося ему молодого черноглазого полковника. Иван Алексеевич Стемпковский, выполняя свое намерение, заехал в Ростов на обратном пути с Волги. Расспрашивая городских обывателей находках древностей в низовьях Дона, Стемпковский надеялся получить необходимые сведения, которые могли указать местонахождение древнего Танаиса. И он не обманулся в своих надеждах. Ростовские жители не только рассказали ему о таких находках, но и принесли некоторые древние вещи: обломки амфор и другой посуды, каменные рыболовные грузила, монеты, найденные на Недвиговском городище и в некоторых других местах по течению Мертвого Донца.

На столе перед Иваном Алексеевичем - несколько медных монет, покрытых зеленоватой патиной, образовавшимся от времени налетом. На одной из монет изображено узкое худое лицо молодого мужчины с длинными волосами, схваченными повязкой. Греческая надпись свидетельствует о том, что на монете изображен боспорский царь Савромат I, правивший в 93-123 гг. н. э. А на оборотной стороне монеты - целая сцена: крепостная зубчатая стена, в стене ворота, с двух сторон от ворот прямоугольные оборонительные башни, к одной из

башен прикован стоящий на коленях длинноволосый пленник, может быть скиф или сармат. Можно не сомневаться, что на этой боспорской монете изображена одна из боспорских крепостей, скорее всего, столица Боспорского царства Пантикапей - современная Керчь. А прикованный к башне пленник, конечно, должен напоминать о какой-то победе царя Савромата над соседними кочевыми племенами. А вот другая монета. На одной стороне ее - портрет боспорского царя Котия II (123 - 132 гг. н. э.), а на другой - изображение царя на скачущем во весь опор коне, с развевающимся за плечами плащом, с поднятым в правой руке копьем. И еще монеты Котия I, Евпатора, Рискупорида III, Ининфимея и других царей Боспора. Все эти монеты собраны на городище в Недвиговке.

Монета боспорского царя Савромата I

О чем же говорят они? Во-первых, о том, что поселение на месте Недвиговки существовало в I-III вв. н. э., когда были выпущены монеты, лежащие теперь перед Стемпковским. Во-вторых, о том, что это поселение, очевидно, подчинялось власти боспорских царей, раз там имели хождение боспорские медные монеты. Это все вполне подходит для Танаиса. Однако подобные монеты найдены не только в Недвиговке, но и в некоторых других местах по берегу Мертвого Донца, между Ростовом и Таганрогом. Значит, нужно осмотреть и обследовать все эти места и выяснить, в каком из них мог находиться древний город.

И вновь по дороге между Ростовом и Таганрогом, но уже в обратном направлении, увязая в разбитых глинистых колеях, движется коляска Стемпковского. Первая остановка у казачьей Нижне-Гниловской станицы, в нескольких верстах от Ростова. Здесь Стемпковскому показывают большой плоский холм, расположенный на берегу Мертвого Донца между двумя оврагами. Воды реки лениво плещутся у подножия холма, подмывая его южный склон. Сползает в воду земля, и в образовавшемся обрыве видно, что холм в значительной степени состоит из золы и слоев обожженной глины. В многосаженном обрыве заметны скопления угольков, какие-то черепки и кости. Именно так выглядит почва на месте древних поселений, насыщенная остатками человеческих жилищ, разбитыми сосудами, разным мусором. Значит, и у Нижне-Гниловской станицы была в древности жизнь - недаром здесь найдено несколько монет, которые показывали Стемпковскому в Ростове.

Несколькими верстами дальше по берегу Мертвого Донца внимание Стемпковского привлеч высокий почти круглый холм, расположенный вблизи устья маленького Ручейка Сухой Чалтыр. И тут были обнаружены те же остатки давно ушедшей жизни, следы древнего поселения, еще в нескольких местах по высокому правому берегу Мертвого Донца острый глаз Ивана Алексеевича замечал то вывороченные из земли плугом и разбросанные по пашне древние черепки, то в береговом обрыве пятна золы и прослойку угля, то едва заметные на поверхности остатки древних валов. Нет, весь этот район не был пустынным в древности: поселки довольно часто располагались по берегу донской дельты.

Но какое же из этих древних поселений могло быть Танаисом?

Осмотр древних береговых поселений укрепил Стемпковского в его первоначальном предположении: только городище у хутора Недвиговки может претендовать на то, чтобы считаться остатками славного города Танаиса, - ведь оно по площади больше всех других древних поселений этого района, которые Стемпковскому пришлось видеть. Только на

Недвиговском городище заметны остатки каменных оборонительных стен и башен, и только там сохранились глубокие искусственные рвы, окружавшие город. Именно там найдено подавляющее большинство древних монет и кувшинов, что встречаются в небольших коллекциях у донских любителей старины в Таганроге, Ростове и даже Новочеркасске. И наконец, вокруг Недвиговки тянутся в степи длинные цепочки древних могильных холмов - курганов, всегда располагающихся вблизи больших греческих городов юга России. Все говорит за то, что древний Танаис надо искать в окрестностях хутора Недвиговки, думал И. А. Стемпковский, возвращаясь из своей поездки. Он так и напишет об этом Ивану Павловичу Бларамбергу, одесскому нумизмату и археологу, давно занимающемуся греческими древностями нашего юга. А потом, - кто знает? - может быть, удастся начать раскопки Недвиговского городища. Уж эти раскопки наверняка определят, насколько правильна его гипотеза.

ПРОФЕССОР ЛЕОНТЬЕВ И ДРУГИЕ

Грабители и ученые

В марте 1874 г. в Москве умер директор Лицея цесаревича Николая, издатель «Московских Ведомостей», профессор Павел Михайлович Леонтьев. Вся аристократическая вельможная и чиновничья Москва во главе с генерал-губернатором Долгоруким приняла участие в похоронной процессии, в панихидах и литургиях. В торжественных и напыщенных речах звучало восторженное преклонение перед памятью покойного. Да и как могла не восхищаться жизнью П. М. Леонтьева официальная царская Россия, если умерший профессор был одним из крупных чиновников, сотрудником известного впоследствии самого реакционного министра просвещения И. Д. Делянова, другом не менее известного реакционного журналиста М. Н. Каткова, одним из столпов реакции, который всей своей деятельностью стремился отвлечь учащуюся молодежь от пагубного материализма и направить ее «в лоно православной церкви». Но среди перечисления добродетелей и заслуг покойного, звучавших в прощальных речах и в многочисленных некрологах, не говорилось лишь об одном факте его жизни, из-за которого мы теперь вспомнили о профессоре П. М. Леонтьеве. Речь идет о предпринятых Леонтьевым еще на заре его профессорской карьеры раскопках Танаиса - первых научных раскопках древнего у городища в России.

Тридцать лет прошло со времени поездки И. А. Стемпковского по берегу донской дельты, прежде чем правительство Российской империи нашло возможным изыскать средства на раскопки древних памятников в Нижнем Подонье. В 1853 г. образованный и просвещенный вельможа, министр уделов граф Лев Алексеевич Перовский, много сделавший для развития археологии в России, подал специальное прошение на имя императора Николая I. В нем указывалось, что в окрестностях Недвиговки необходимо произвести археологические раскопки, так как переселяемые туда казаки вскоре распашут городище и курганы или разберут древние постройки на камень. Благодаря настойчивости Перовского деньги на раскопки были наконец отпущены. Руководителем раскопок в области Войска Донского был назначен Павел Михайлович Леонтьев. Деньги ему отпустили по тому времени немалые - более 3 000 руб. серебром. Правительство Николая I надеялось, что раскопки донских курганов смогут доставить такие же богатые находки, какие были уже сделаны в древних гробницах около Керчи.

А из керченских курганных гробниц шли в Петербург драгоценные ювелирные изделия, расписные греческие вазы, статуэтки, бронзовые сосуды и другие произведения древнего художественного ремесла. Раскопки керченских курганов производились совершенно некомпетентными лицами - николаевскими чиновниками. Вследствие их невежественности и недобросовестности раскопки теряли большую часть своей научной ценности и превращались просто в кладоискательство, в добывание прекрасных древних художественных изделий. Но

это не беспокоило высокопоставленных царских чиновников, ведавших археологическими изысканиями в России. Их не интересовали вопросы истории, необходимость решения которых на археологическом материале была ясна еще Стемпковскому; они были озабочены только одним - пополнением коллекций Императорского Эрмитажа древними произведениями искусства.

Поэтому и Леонтьев получил из Петербурга строгую инструкцию обратить особое внимание прежде всего на раскопки курганов, которые могут дать ценные находки. Даже когда он уже вел работы в Недвиговке, граф Перовский напоминал ему об этом в специальном письме: «...при работах Ваших, не упуская ученой цели, Вы должны постоянно иметь в виду, что его императорскому величеству угодно обогатить музей Эрмитажа и что посему главная цель всех предпринятых разысканий состоит в открытии художественных произведений древнего искусства» (*Архив Ин-та Археологии, ф. 9, д. 25. Письмо Л. А. Перовского П. М. Леонтьеву*).

Но ни петербургские инструкции, ни торжественный молебен, устроенный Леонтьевым перед началом работ по приезде в Недвиговку, ни специально привезенный из Керчи надсмотрщик, знаток древних могил, не помогли экспедиции сделать значительные находки в недвиговских гробницах. Леонтьев начал свои исследования с раскопок одного из ближайших к городищу курганов, а затем раскопал еще 23 курганные насыпи, но эти работы не принесли ему успеха. Все курганы в окрестностях слободы Недвиговской оказались ограбленными, и исследователю достались лишь жалкие крохи из когда-то богатого погребального инвентаря - из тех вещей, которые были заботливо положены в могилу с покойником, чтобы он ни в чем не нуждался в «загробном мире».

Ограбление богатых могил было широко распространено еще в древности. Обычно грабители знали, в каких гробницах можно найти золотые вещи или другую дорогую утварь. Они тайно по ночам проводили раскопки могилы, вытаскивали из нее все ценное. При таком ограблении даже вещи, представляющие очень небольшую материальную ценность, - глиняные и стеклянные сосуды, бронзовые украшения, железное оружие - нередко оказывались или утащенными, или разбитыми. Осквернители могил не церемонились и с самими погребенными: в поисках драгоценностей они переворачивали и вытаскивали трупы, разбрасывали кости, если трупы уже истлели. Современные археологи при раскопках гробниц без особого труда определяют места и направление грабительских «мин», т. е. узких ходов или лазов, по которым воры проникали в могилу. В археологии известны случаи находок в этих «минах» вещей, принадлежавших не только погребенным, но и самим грабителям, их инструментов. Иногда здесь находили даже скелеты грабителей, застигнутых обвалом во время совершения преступления.

Воровские тайные раскопки богатых могил практиковались на Нижнем Дону уже в ту эпоху, когда эти могилы сооружались. Ведь именно тогда грабителям, хорошо знавшим расположение погребений и вещей в них, было легче всего безошибочно находить захороненные сокровища, о Донские курганы и много позднее привлекали жадные взоры любителей наживы и не раз становились объектами хищнической деятельности самых разнообразных авантюристов. Очень любопытен в этом отношении рассказ венецианского купца XV в. Иосафата Барбаро. Он жил в городе Тана - в венецианской колонии, расположенной в устье Дона на месте современного Азова. В компании с семью другими торговцами он предпринял попытку раскопок какого-то большого донского кургана с целью отыскания якобы зарытого там клада. Правда, экспедиция, снаряженная предприимчивыми сынами Венеции с большим размахом (в ней участвовало до 150 рабочих), окончилась безуспешно: отыскать сокровище не удалось. Но самый факт поисков золота в древнем кургане примечателен: в течение тысячелетий курганы служили своеобразными кладовыми, в которых деятельные, но не слишком щепетильные люди пытались найти не принадлежащие им древние ценности.

Открытие неразграбленного большого кургана - редкая удача. Леонтьеву эта удача не улыбнулась. Первый же раскопанный им курган оказался начисто разграбленным, в нем нашлись лишь черепки амфор, осколки стеклянных сосудов и обломки костей. Немногим больше дали и другие исследованные Леонтьевым гробницы. И тогда он, не прекращая раскопок курганов, решает основные силы и средства употребить, вопреки инструкции, на исследование Недвиговского городища.

Это было не только совершенно правильное, но и в известном смысле весьма смелое решение. Павел Михайлович понимал, конечно, что такие действия не будут одобрены высоким начальством в Петербурге, ожидающим от него богатой добычи из курганов. Кроме того, раскопки в больших масштабах городищ в России до этого вообще не производились, и широкие археологические исследования, предпринятые на Недвиговском городище Леонтьевым, были по существу первым опытом такого рода.

Но Павел Михайлович Леонтьев при всей консервативности и даже реакционности взглядов, при всем почтении к начальству, столь ярко проявившемся позднее, был все же ученым, а не чиновником, причем ученым, сравнительно хорошо подготовленным к решению стоявшей перед ним задачи. Хотя ему было всего 30 лет, он уже был профессором Московского университета по кафедре римской словесности и древности. Он получил классическое образование в Московском университете, а затем еще совершенствовался в университетах и музеях Кенигсберга, Лейпцига, Берлина. Но особенно глубокий след оставило в его душе путешествие по Италии, где он познакомился с архитектурой древнего Рима, посетил богатейшие музеи Неаполя, Флоренции и других городов, видел развалины Помпеи.

Конечно, Недвиговское городище не Помпеи, вряд ли можно ожидать на далекой окраине античного мира таких замечательных находок, таких шедевров античного искусства, какие подарили миру исследования этого небольшого италийского городка, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э. Но и раскопки предполагаемого Танаиса могли дать немаловажные результаты для выяснения истории греческих колоний в Причерноморье. Леонтьев был не только знаком с мыслями Стенкловского о значении археологического изучения донских памятников для исторических исследований, но и разделял их. В отличие от некоторых своих современников, занимавшихся археологией, Леонтьев не считал, что добывание эффектных художественных изделий древности - главная и единственная цель раскопок. Поэтому он и обратился к раскопкам Недвиговского городища, которые вряд ли могли обещать находки целых расписных ваз или дорогих ювелирных украшений, но зато могли пролить свет на древнюю историю Приазовского края.

Первые раскопки

С чего же начать раскопки древнего городища, где копать? Леонтьеву было совершенно ясно, что даже с сотней рабочих невозможно раскопать всю площадь древнего города, составлявшую более 10 тыс. квадратных саженей. Он предположил, что наиболее богатая, лучшая часть города была обращена к реке и к морю и первой открывалась взору путешественника, подъезжавшего к Танаису на корабле. Поэтому Леонтьев начал с исследования приречной южной и юго-западной части городища. Согласно археологической практике того времени, он вел раскопки длинными и узкими траншеями или канавами, изрезавшими облюбованный участок во многих направлениях. Затем такие же канавы были проложены и в других местах городища; кое-где траншеи расширялись, и образовывалась довольно большая площадь раскопок.

Первые дни раскопок принесли Павлу Михайловичу глубокое разочарование. В траншеях все время попадались остатки каких-то стен, небрежно сложенных из необработанных камней, рабочие то и дело выбрасывали из глубины канав на поверхность черепки древних амфор, каменные грузила, куски обожженной глины. Все это свидетельствовало о существовавшей

здесь некогда жизни. Но где же прекрасные, сложенные из тщательно отесанных и пригнанных друг к другу камней постройки древних греков? Где обломки мраморных колонн, карнизов, статуй, встречающихся обычно при раскопках античных городов? Где, наконец, осколки чудесных расписных ваз, покрытых блестящим черным лаком и украшенных изящными рисунками, столь характерных для греческой культуры? Ничего этого не попадалось, и Леонтьев уже начал сомневаться в том, что он раскапывает древний Танаис. Но неожиданно были встречены первые надписи, первые находки, порадовавшие сердце молодого исследователя.

Одна из найденных П. М. Леонтьевым танаисских надписей

Надписи были составлены на древнегреческом языке и высечены на каменных или мраморных плитах; правда, плиты оказались разбитыми и многих кусков не доставало. Однако Леонтьев недаром являлся специалистом по древностям: он прекрасно знал греческий язык, и для него не составляло большого труда по обрывкам надписей восстановить весь текст. Одна из надписей говорила о сооружении в царствование царя Котия III городских ворот, в других надписях упоминалось о восстановлении обветшавших оборонительных стен, башен и других построек. В каждой надписи указывалось, в каком году, при каком боспорском царе, при каких танаисских чиновниках и на чьи средства производилась постройка. Когда-то эти надписи были вделаны в стены восстановленных сооружений, чтобы современники и потомки могли узнать, чьими стараниями был отстроен город. Теперь разбитые плиты с надписями лежали в развалинах тех построек, к которым они относились.

Несколько таких плит было найдено на Недвиговском городище еще раньше, до раскопок Леонтьева, при добыче местными крестьянами камня из древних построек. И в тех надписях также упоминались город Танаис и его жители танаиты. Но оставалось еще сомнение: не были ли эти плиты привезены откуда-нибудь на Недвиговское городище. Теперь же, когда надпись о сооружении городских ворот была найдена в том месте, где в древности существовал въезд в город, а надписи о восстановлении башен - в развалинах этих самых башен, уже не могло быть сомнения: все надписи, упоминающие Танаис, относятся именно к этому городищу, которое и представляет собою руины древнего Танаиса. Таков был первый вывод, сделанный Леонтьевым на основании раскопок. Так была подтверждена догадка, высказанная еще Стемпковским, и оправдались его надежды, что раскопки откроют тайну местонахождения древнего города.

Каков же был этот город? С удивлением перебирал Павел Михайлович сделанные при раскопках находки. Обломки греческих амфор встречались в огромных количествах, найдена была и дюжина совершенно целых амфор, но предметов эллинского искусства, дорогой художественной греческой посуды, ювелирных изделий почти совсем не было. Зато сколько попадалось обломков грубых горшков, кое-как вылепленных от руки, без гончарного круга, из плохо приготовленной черной глины и плохо обожженных! Неужели же можно приписать эти неумело изготовленные горшки грекам, тем грекам, которые прославились своим

гончарным мастерством, чьи изумительные расписные вазы До сих пор поражают посетителей музеев непревзойденным изяществом, тонкостью и красотой? А открытые раскопками постройки! «Уже одна кладка стен из необтесанных камней и чрезвычайно небрежная вполне убеждает, что тот Танаис, развалины которого мы имеем в Недвиговском городище, не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто греческий город. Греки никогда, ни даже в византийское время, не строили так дурно...» (П. М. Леонтьев. *Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях.* - Сборник «Проилеи», т. IV. М., 1854, стр. 416) - писал впоследствии Леонтьев. Первые раскопки подсказали их автору совершенно правильный вывод о смешанном характере культуры Танаиса, вывод, который был потом блестяще подтвержден всеми позднейшими исследователями.

Сколько было Танаисов?

Леонтьева, естественно, интересовал вопрос о том, к какой эпохе относится раскапываемый им город. Читая не-двиговские надписи, он обратил внимание на то, что все они относятся к II и III вв. н. э.: в них либо прямо упоминаются даты, либо названы боспорские цари, правившие в то время. Павел Михайлович обратился к найденным при раскопках монетам. Их было добыто около 60. И они все принадлежали боспорским царям первых веков н. э. Просматривая остальные найденные при раскопках вещи, Леонтьев не находил среди них ничего, что казалось бы древнее I в. н. э. Теперь-то мы знаем, что Леонтьев ошибался. Среди найденных им в Недвиговке древностей, хранящихся ныне в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, есть немало таких, которые относятся еще к III, II и I вв. до н. э. Но во времена Леонтьева ученые еще не умели определять время изготовления многих древних предметов; надежными материалами для датировки казались только надписи и монеты, а они все действительно относились уже к первым векам нашей эры.

Но весь город существовал раньше: Страбон сообщает о разрушении Танаиса на рубеже нашей эры боспорским царем Полемоном. Естественно было бы ожидать, что в развалинах города не будет находок позднее этой даты. На самом же деле в них Леонтьеву не удалось обнаружить более ранних предметов, а все монеты и надписи относятся к послеполемоновскому времени. В чем же дело? Раздумывая над этим вопросом, Леонтьев пришел к мысли, показавшейся ему очень логичной: Танаис, раскапываемый им, это не тот Танаис, о котором писал Страбон и который разрушил Полемон, а уже послеполемоновский, восстановленный после разрушения город; о его существовании ничего не говорят древние писатели, но он все же существовал в первые века нашей эры. Однако почему же при его раскопках исследователи не встретили ранних материалов, ранних слоев? Не потому ли, что дополемоновский Танаис находился где-то в другом месте и только после разрушения был перенесен сюда, в окрестности Недвиговки?

Постройки танаисцев мало напоминали аккуратные, сложенные из тесанного камня греческие здания

Леонтьев сразу понял, что это предположение ставит перед ним новую задачу найти древний,

дополемоновский Танаис. Не сумев обнаружить остатков раннего, дополемоновского, Танаиса в добытых им материалах, Леонтьев начинает поиски в других местах. Он вновь перечитывает древних писателей, упоминавших Танаис - Страбона и Птолемея, вновь перебирает в памяти все то, что ему известно о нижнедонских древностях.

Стемпковскому во время его пребывания на Нижнем Дону не удалось попасть на территорию донской дельты. Он только издали, из станицы Нижне-Гниловской, видел высокие курганы «Пять Братьев», расположенные в дельте в окрестностях станицы Елисаветовской. Разлив реки позволил Стемпковскому осмотреть поближе эти древние памятники. Теперь Леонтьев переправляется через Мертвый Донец и внимательнейшим образом осматривает не только самые «Пять Братьев», но и всю прилегающую местность. К своей большой радости, он обнаружил недалеко от станицы Елисаветовской совершенно новое, неизвестное до того городище, обнесенное двойным валом и по площади превышающее Недвиговское.

Пробные небольшие раскопки, предпринятые на городище и в окружающих его курганах, не дали Павлу Михайловичу материалов, которые говорили бы о том, что это дополемоновский Танаис, но и не опровергли этого предположения. Найденные здесь Леонтьевым черепки амфор, мелкие золотые и серебряные украшения и другие вещи указывали на то, что грекам эта местность была известна.

Но можно ли из этого сделать заключение, что Танаис первоначально находился на месте Елисаветовского городища? Леонтьев осторожно подошел к этому вопросу и, не имея достаточных доказательств, оставил его открытым. Однако позднейшие исследователи приняли эти очень осторожные предположения Леонтьева за доказанное, и за Елисаветовским городищем утвердилась слава раннего Танаиса. Танаис, открытый в Недвиговке, стали называть Танаисом Возобновленным, Танаисом Младшим и т. п.

Так возникло ошибочное представление о существовании в устье Дона двух поселений, носивших имя Танаиса: более раннего, расположенного в дельте около современной станицы Елисаветовской, и более позднего - на правом берегу дельты у Недвиговки. Это представление господствовало в науке 100 лет и было опровергнуто лишь совсем недавно в результате последних археологических раскопок на Нижнем Дону.

Надежды и разочарования

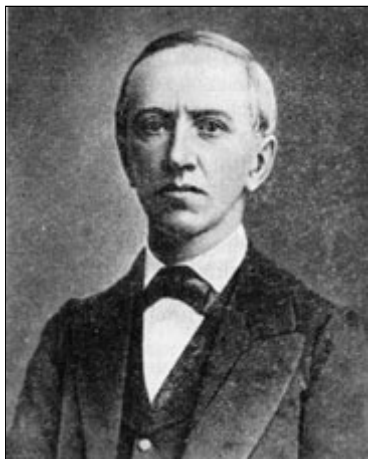
В конце 50-х годов XIX в. в Петербурге была создана Археологическая комиссия. Ее основателями были титулованные любители археологии, князья и графы, придворные и крупные чиновники. Археология была тогда по преимуществу дворянской наукой, и Археологическая комиссия не случайно получила почетное звание Императорской. И задачи свои деятели этого нового центра русской археологии понимали так, как это нравилось при дворе, - они заключались в раскопках богатых курганов и гробниц, преимущественно скифских или греческих, с целью пополнения коллекций Эрмитажа высокохудожественными произведениями древности. Интересы исторического исследования были отеснены далеко на задний план.

Поэтому, когда Комиссия решила возобновить раскопки на Нижнем Дону, ее представитель барон фон Тизенгаузен, которому были поручены эти раскопки в 1867 г., приехал в Новочеркасск с твердым намерением отыскать здесь новые прекрасные вещи для Эрмитажа. Недвиговское городище было лишь одним из памятников, которые ему предстояло раскапывать, и интересовало его значительно меньше, чем курганы донских степей.

Владимир Густавович Тизенгаузен в те годы не был еще известным ученым и занимал скромную должность младшего члена Археологической комиссии. Впоследствии он составил себе имя в науке главным образом исследованиями древних восточных монет. Большой

знаток арабского и других восточных языков, Тизенгаузен написал несколько книг о восточных монетах, об истории Золотой Орды. Но раскопочные работы он вел преимущественно на юге России - на Украине, в Прикубанье, на Тамани, исследуя античные и скифские древности. Особенно прославился Тизенгаузен открытием богатых курганных погребений «Семь братьев» в окрестностях Анапы, давших прекрасные предметы греческой древности, украшающие теперь залы Государственного Эрмитажа. Но все это было уже значительно позднее. А в 60-х годах прошлого века на Нижнем Дону Тизенгаузен только еще начинал свою раскопочную деятельность.

Владимир Густавович Тизенгаузен

Недвиговское городище ничем не порадовало петербургского исследователя. Беспорядочные нагромождения необработанных (дикарных) камней, под которыми скрывались дома и улицы древнего города, ничего не говорили ему. Чтобы разобраться в этих каменных завалах, у Тизенгаузена не хватало ни умения, ни желания. Разочаровали исследователя, жаждущего богатой археологической добычи, и находки: каменные жернова, простые глиняные горшки, разбитые амфоры, светильники, грузила для рыбацких сетей и прочие «обыденные предметы домашнего хозяйства».

Тизенгаузен считал свои работы на Недвиговском городище полной неудачей. Вот почему он, с такой тщательностью и скрупулезной аккуратностью редактировавший отчеты о работах Археологической комиссии, счел возможным своим собственным раскопкам посвятить в них всего несколько строк. Мы теперь можем лишь пожалеть об этой скупости, утаившей от нас то, что не казалось важным и интересным археологу 100 лет тому назад, но что было бы драгоценно для расширения наших знаний о древнем Танаисе.

После неудачи Тизенгаузена раскопки Недвиговского городища вряд ли скоро бы возобновились, если бы не случайное событие. В конце 60-х годов через Иедвитовку прокладывали участок Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. И вот в 1869 г. сначала в «Донских ведомостях», а потом и в петербургских газетах появились интригующие сообщения об открытии рабочими железнодорожного строительства при ломке камня в Недвиговке какого-то подземного хода, о находках большого числа греческих надписей. Ходили слухи также о кладе, состоящем якобы из нескольких фунтов золотых монет и золотого венка. Из Петербурга последовали распоряжения о проверке этих сведений и об отыскании найденных вещей. В архивах сохранилась переписка тогдашнего председателя Археологической комиссии графа Сергея Григорьевича Строганова с наказным атаманом Войска Донского Михаилом Ивановичем Чертковым. По просьбе Строганова атаман направил в Недвиговку для расследования директора новочеркасской гимназии Робуша в сопровождении художника Ознобишина которые доставили в Новочеркасск найденные танаисские надписи и обследовали «подземный ход», оказавшийся простым водосточным каналом, тянувшимся из древнего города к реке. Слухи о находках золота в Недвиговке вовсе не подтвердились.

Все же эти события вновь привлекли внимание археологов к Танаису. Как раз в это же время в Археологическую комиссию обратился один из ее сотрудников - Петр Иванович Хицунов - с предложением своих услуг по проведению каких-нибудь археологических исследований. Хицунов, проживавший тогда в Таганроге, ранее проводил раскопки на Тамани и в Крыму. Ему-то и решил граф Строганов поручить в 1870 г. исследование Недвиговского городища и других древностей Нижнего Дона.

Свои работы Хицунов начал на городище с раскопок все того же пресловутого «подземного хода». Он проследил его в нескольких местах и пришел к тому же убеждению, что и Робуш: ход является древней подземной галереей, по которой спускались из города сточные воды. Но если это объяснение могло удовлетворить ученый мир, то оно было явно недостаточно для окрестного населения. Народная фантазия создала из этого водостока целую систему подземных ходов, идущих даже под Доном. И сейчас еще, почти 100 лет спустя, в Недвиговке можно услышать романтические истории о подземельях, тянущихся от городища вплоть ...до Азова!

Петр Иванович Хицунов не имел возможности производить в Недвиговке такие широкие раскопки, как Леонтьев. У него работала бригада землекопов во главе с подрядчиком, или, как он именуется в документах, «рядчиком», Матвеем Касьяновым. В «Условии», которое было заключено между надворным советником Хицуновым и таганрогским мещанином Матвеем Яковлевым сыном Касьяновым и которое оба они обязались «хранить свято по совести, ненарушимо и по обоюдному соглашению», было предусмотрено, что рабочие, набранные и привезенные Касьяновым, будут производить раскопки тщательно, его, рядчика, инструментами и жить на его харчах и что Хицунов должен выплачивать Касьянову по 2 р. 50 к. за кубическую сажень вынутаго грунта. Сколько из этих денег перепадало землекопам, а сколько оставалось в карманах таганрогского мещанина, мы не знаем, но можно быть уверенными в том, что Касьянов не был в накладе.

Главный результат раскопок Хицунова - открытие большого количества новых обломков надписей. Пять больших ящиков с этими обломками общим весом в 44 пуда 10 фунтов Хицунов отправил в Петербург по только что построенной железной дороге.

При раскопках Хицунов столкнулся с той же картиной, которую до него наблюдали и Леонтьев, и Тизенгаузен: фундаменты и завалившиеся стены «хижин», сложенные из грубого необработанного камня, зола, «черепки от битой простой посуды», обожженные камни, глиняные светильники, разбитые амфоры, боспорские медные монеты, осколки стеклянных сосудов... Правда, Хицунову удалось еще раскопать какую-то большую каменную печь, по-видимому предназначенную для обжига изготовленной посуды. Однако отсутствие чертежей или зарисовок не позволяет с уверенностью судить о времени и устройстве этого интересного производственного сооружения.

После раскопок 1870 г. интерес к Недвиговскому городищу надолго заглох. От времени до времени городище посещали археологи или донские краеведы, однако новые раскопки здесь не производились почти до наших дней. Но если ученые в течение многих лет не интересовались Танаисом, то жители хутора Недвиговка проявили к городищу живейший и, увы, губительный для древнего памятника «интерес». Они использовали городище в качестве каменоломни, откапывая древние стены и разбирая их на камень. Ведь куда проще и удобнее было брать готовый строительный камень из построек, чем выламывать или выпиливать его из скалы. Камень этот не только употреблялся на сооружение хуторских домов и сараев, но даже вывозился на баржах, по несколько рублей за кубическую сажень, на стройки Азова и Ростова. Трудно даже представить себе, сколько драгоценных остатков древности было уничтожено при этих длившихся десятилетиями работах. Только после революции, когда все памятники древности были объявлены народным достоянием, находящимся под охраной советского закона, разрушение городища с целью добывания камня прекратилось.

Гибель некрополя

Вокруг Танаиса, как и вокруг любого древнего города, располагались обширные кладбища, где нашли последнее пристанище многие поколения жителей города. Древние кладбища, или могильники, обычно обозначаются в археологии греческим словом «некрополь»: буквально - «город мертвых». Некрополь Танаиса состоял частично из курганов, частично из простых вырытых в земле, так называемых грунтовых, могил. Он далеко раскинулся на восток от городища и в меньшей степени - на запад. Но ныне и с востока и с запада к городищу почти вплотную подступают усадьбы жителей хутора. При постройке домов, при обработке огородов и садов казаки и крестьяне Недвиговки нередко натывались в земле то на целые амфоры или горшки из старинных могил, то на человеческий череп, то на целое древнее погребение: ничем не выделяясь на поверхности земли, простые грунтовые могилы обнаруживались обычно случайно при каких-нибудь земляных работах. Теперь танаисский грунтовой некрополь почти полностью уничтожен постройками и посадками и только небольшая его часть, примыкающая к городищу, еще доступна для исследования. То, что избежало рук Древних грабителей, было почти полностью разрушено в новейшее время.

Впрочем, к разрушению могил танаисского некрополя некотором отношении причастны и археологи: некрополь раскапывался в прошлом даже больше, чем само городище. Его раскопки были начаты еще при Леонтьеве. Работы эти проводились уже в самом конце полевого сезона 1853 г., в октябре и ноябре, когда сам московский профессор уже не мог или не хотел оставаться в Недвиговке. тому он поручил исследование грунтового некрополя своему помощнику архитектору Алексею Александровичу Авдееву. Несмотря на мешавшую раскопкам плохую погоду - резкий осенний ветер и затяжные дожди, Авдеев очень тщательно и аккуратно раскопал несколько десятков грунтовых могил. Но полученная им довольно скромная добыча - глиняные горшки, железные наконечники стрел, бронзовые или серебряные перстни, браслеты, пряжки, стеклянные бусы - не вдохновила ни самого Авдеева, ни Леонтьева, ни петербургское начальство на продолжение этих работ. Пытались раскапывать грунтовой некрополь и Тизенгаузен, и Хицунов, но их работы не дали почти ничего нового по сравнению с раскопками Авдеева.

Интерес к недвиговскому некрополю оживился вновь в начале нашего века. В 1908 г. казак Алексей Смычков, добывая строительный камень в Недвиговке, наткнулся на богатую могилу, в которой среди прочих вещей была найдена массивная золотая гривна - - обруч, служивший шейным украшением и имевший на незамкнутых концах скульптурные золотые головки львов. В той же могиле находились обломки серебряного сосуда и остатки украшения в виде венка из золотых листиков (такие венки из тонких золотых листиков выделывались на Боспоре специально для того, чтобы ими увенчивать богатых умерших). При расследовании обстоятельств этой находки выяснилось, что это не первое богатое погребение, найденное Алексеем Смычковым. Еще раньше, весной предыдущего года тот же Смычков при ломке камня обнаружил другую богатую гробницу со значительным набором золотых вещей - серег, ожерелий, колец, медальонов и пр. Все эти вещи он припрятал, а затем тайно продал в Ростове коллекционерам за 600 руб.

Золотой шейный обруч - гривна, найденная казаком Алексеем Смычковым в 1908 г.

Эти богатые находки побудили Археологическую комиссию вновь обратиться к раскопкам Танаисского могильника. На этот раз работы были поручены известному археологу Н. И. Веселовскому. Старший член Императорской археологической комиссии, заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник, Николай Иванович Веселовский вел в то время большую раскопчную работу на юге России. Раскопки Недвиговского некрополя, которые Веселовский предпринял в 1908 и 1909 гг., были лишь мелким эпизодом в его деятельности: он одновременно копал и на Украине, и в Анапе, и в Прикубанье. Ему не удалось открыть в Недвиговке таких богатых погребений, какие были обнаружены Смычковым. И хотя он добыл очень интересные материалы, они все же не оправдали надежд, которые возлагала на эти раскопки Археологическая комиссия, рассчитывавшая представить «на высочайшее воззрение государя императора» новые находки золота и художественных изделий древности. Раскопки в Недвиговке были прерваны в 1909 г. и возобновились уже в наше время.

РОМАНТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Городище в Недвиговке

Экспрессы «Москва-Адлер», «Москва-Ереван» и другие дальние поезда кавказского направления проскакивают участок пути от станции Марцево до Ростова без остановки, даже не снижая скорости. Пассажиры, посматривающие в окна на сменяющие друг друга пейзажи, справа по ходу поезда видят сначала светло-серую гладь Азовского моря, а затем бесконечные извивы протоков донской дельты, один из которых - Мертвый Донец - во многих местах подходит к самому железнодорожному полотну. С левой стороны мелькают невысокие холмы коренного берега дельты с разбросанными там и сям станицами и хуторами, а за ними простираются бескрайние приазовские степи.

Скучающий взгляд пассажира скорого поезда вряд ли долго задержится на постройках хутора Недвиговки, живописно раскинувшегося по берегу Мертвого Донца. Белые и синие домики, зеленые группы плодовых деревьев, каменные заборчики дворов и огородов растянулись вдоль берега и вдоль железной дороги на несколько километров, взбираются от самой воды вверх по крутому откосу и останавливаются перед необъятностью распаханых степей. Для того чтобы увидеть и почувствовать всю прелесть этих мест, надо не промчаться мимо них с курьерской скоростью, а приехать сюда на медлительном местном поезде Ростов Таганрог, который не спеша ползет вдоль Мертвого Донца, делая остановки через каждые 2-3 км. Он высаживает своих пассажиров на низенькую площадку, покрытую гравием и заменяющую в Недвиговке платформу, прямо посреди хутора, всего в 50 м от реки и на таком же расстоянии от древнего городища.

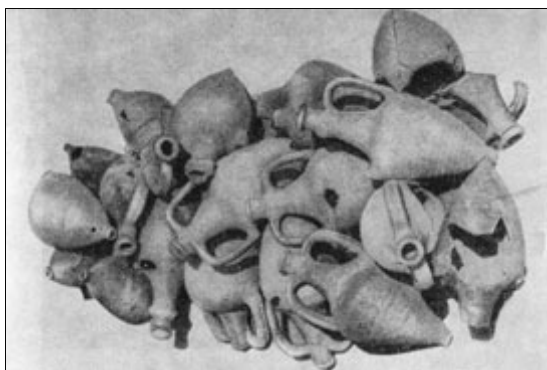

Живописны улочки хутора Недвиговки

В июне 1955 г. задыхающийся паровозик притащил на эту платформу среди обычных для Недвиговки пассажиров - рабочих, возвращающихся со своих заводов, хозяек, едущих из города с покупками, любителей рыбной ловли, прибывающих сюда из Ростова с намерением просидеть выходной день с удочкой на берегу реки,- группу людей, явно прибывших издалека и с любопытством осматривающихся вокруг. Это были научные сотрудники и студенты - члены археологической экспедиции, которым предстояло возобновить раскопки древнего Танаиса.

Не остановившись даже на ночлег, а лишь забросив свои чемоданы, рюкзаки и постельные мешки в один из близлежащих домиков, мы поспешили на городище посмотреть место будущих раскопок. Перед нами простирался большой четырехугольник пустующей земли, без единого строения, без единого деревца. По сторонам четырехугольника протянулись заросшие травой широкие и глубокие Рвы, на дне которых жители хутора разбили огороды и делянки картофеля. Однообразный пейзаж оживляли лишь несколько коров, привязанных к колышкам в разных местах городища и лениво щипавших сухую и пыльную траву. Вся поверхность городища была покрыта буграми и ямами самых разнообразных форм и размеров. В косых лучах вечернего солнца она напоминала море с бегущими волнами. В некоторых особенно больших ямах угадывались старые раскопы и траншеи, проведенные прежними исследователями, другие углубления являлись результатом выборки камня, третьи могли быть следами последней войны - блиндажами, окопами, воронками. Что уцелело здесь после всех разрушений? Не перерыто ли здесь все настолько, что нет уже смысла проводить на городище раскопки? Именно об этом предупреждали нас еще в Москве и Ростове скептики, считавшие, что Недвиговское городище полностью разрушено.

На первый раз было решено ограничиться двумя пробными раскопами на территории городища. Место для одного из них было выбрано в центральной части четырехугольника, рядом с огромной ямой, образовавшейся на месте старого раскопа Леонтьева. Участок наших работ был перекрыт грунтом, выброшенным из раскопа Леонтьева. Это давало надежду, что слои и постройки в этом месте сохранились относительно хорошо: по крайней мере после 1853 г. добыча камня здесь не производилась. Увы, надежды не оправдались. Оказалось, что этот участок был сильно перекопан на глубину до 2 м еще до леонтьевских работ и что остался нетронутым только нижний слой. И все же этот участок дал много интересных находок: амфоры, целые горшки, железный серп; были открыты здесь и остатки древних зданий.

Все эти амфоры были найдены в одном колодце на первом раскопе

Второй раскоп был заложен в северо-восточной части городища около угловой башни. Огромная воронка на самом углу городища свидетельствовала, что эта башня давно уже раскопана и выбрана на камень. Поэтому мы начали копать немного поодаль на сравнительно ровном месте, где надеялись открыть сохранившийся участок крепостной стены. И действительно, уже на второй день работ мы натолкнулись на остатки оборонительной стены. Почти у самой поверхности земли, над тонким слоем дерна, лежали огромные необработанные каменные глыбы, составлявшие кладку стены. Ее развалины достигали здесь высоты более двух метров. И хотя далее на юг стена была почти полностью выбрана добытчиками камня, ее направление легко прослеживалось по остаткам канавы, в которую был уложен в древности фундамент стены, и по отдельным сохранившимся камням самого фундамента. А рядом с крепостной стеной раскопки открыли руины нескольких домов с внутренними мощеными дворишками, с глубокими подвалами, заполненными всевозможными вещами, с колодцами и цистернами для собирания дождевой воды, с земляными ямами - зернохранилищами.

От оборонительной стены сохранились только нижние камни

Сотни амфор, огромное количество обломков другой глиняной посуды, осколки стеклянных сосудов, металлические изделия, глиняные светильники, бронзовые монеты и многое другое было найдено в этих руинах в первый раскопочный сезон.

Таким образом, первые же пробные работы на Недвиговском городище показали: скептики были неправы - городище хранит еще много остатков древности, уцелевших от разрушения и разграбления, и исследование его весьма перспективно. Одновременно мы попробовали раскапывать Древние могилы, окружающие городище, и тут получили интересные результаты, хотя многие погребения оказались ограбленными еще в древности.

Так начала свою работу Нижне-Донская археологическая экспедиция, с тех пор - вот уже 12 лет - систематически изучающая древний Танаис и другие памятники старины Нижнего Дона. Эту экспедицию создали совместно Институт археологии Академии наук СССР, находящийся в Москве, и Областной музей краеведения Ростова-на-Дону. Однако участие в работах экспедиции принимают и другие учреждения: Краеведческие музеи в Таганроге и Азове,

Московский и Ростовский университеты, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина и др. Одни учреждения отпускают средства на раскопки, другие посылают в экспедицию своих сотрудников или студентов-практикантов.

Каждый год состав экспедиции обновляется: появляются новые практиканты, студенты или школьники, прежние участники отправляются в другие экспедиции. Но основное ядро экспедиции сохраняется, ее руководители и многие сотрудники из года в год продолжают настойчиво и кропотливо исследовать древний город Танаис, открывая все новые и новые тайны древней жизни в придонских степях. Жизнь не стоит на месте, меняемся и мы: те, что начинали работу в Танаисе зелеными первокурсниками, стали теперь научными работниками и преподавателями, бывшие школьники стали уже взрослыми людьми, женились и обзавелись детьми, маленькие недвиговские ребяташки, издали с почтительным любопытством смотревшие, как работают на раскопках их отцы и матери, превратились в рослых парней и девчат, сами стали квалифицированными рабочими. А экспедиция продолжает жить, и каждое лето на телеграфных столбах и стенах сельского магазина в Недвиговке снова появляются объявления о наборе рабочих для производства археологических раскопок «городка», как называют здесь древнее городище.

Николай Иванович Веселовский

В экспедицию!

Подготовка к экспедиции начинается задолго до открытия летнего экспедиционного сезона. Еще в разгар зимы, когда по улицам Москвы метет поземка и прохожие зябко поднимают воротники, в одном из домов в Черемушках, где расположен Институт археологии Академии наук СССР, начинаются хлопоты по организации летних экспедиций: составляются сметы и планы, заказываются экспедиционные автомашины, выписываются оборудование и материалы. Чего только нет в заявках начальников экспедиций! Всякому путешественнику ясно, что нельзя обойтись без палаток, компасов, рюкзаков, ведер, кастрюль, чайников и т. п. Понятно, зачем нужны археологам в экспедиции лопаты, кирки, рулетки, чертежная бумага и многое другое. Но для чего могут понадобиться десятки малярных кистей, плотничьи ватерпасы, мешки медицинского гипса, хирургические скальпели? Примите участие в какой-нибудь археологической экспедиции или просто посетите какие-нибудь раскопки и вы убедитесь, насколько сложен процесс открытия и извлечения из земли материальных остатков

прошедшей жизни, какие разные приемы, методы и материалы должны применяться при различных видах археологического исследования.

Ближе к весне комплектуется состав будущей экспедиции. В марте и апреле в институтских коридорах можно встретить застенчивые или шумливые группки юношей и девушек. Это студенты или школьники, которые разыскивают начальников экспедиций и отрядов, чтобы попроситься в состав археологической партии. Некоторым удается попасть на должность рабочих, коллекторов или лаборантов. Кто знает, может быть из этих молодых людей выйдут будущие исследователи необъятной археологической целины нашей Родины. Ведь и теперешние профессора, начальники больших экспедиций, авторы многих ученых книг по древней истории своей страны начинали ученую деятельность так же - практикантами в археологических экспедициях.

Приближается день отъезда, выписываются командировки, заготавливается продовольствие, получается и проверяется снаряжение, и вот наконец крытая экспедиционная машина - трехтонный вездеход ГАЗ-63, - нагруженная до предела ящиками, мешками, связками лопат, рулонами бумаги, палатками, раскладными кроватями и многим другим, отъезжает от дверей Института археологии, сопровождаемая завистливыми взглядами остающихся. С машиной едут один сотрудник экспедиции и несколько студентов. Одеты в плащи и ватники, в лихо сдвинутых на бок беретах, они, рискуя вывалиться, далеко высовываются из-под крытого брезентом верха машины, машут руками и что-то кричат. Им предстоит проехать до места раскопок тысячи километров, через десятки городов и сел, ночевать в лесу или в степи, обедать в маленьких сельских столовых и готовить себе ужин на костре около поставленной на опушке леса машины. И хотя основной состав экспедиции выедет к месту раскопок только двумя днями позже на поезде или вылетит самолетом, экспедиция начинается именно с этой первой партии, покидающей на машине Москву.

Трудности и радости открытий

Романтически настроенные молодые практиканты, приехав в Недвиговку, иногда несколько разочаровываются. Они-то думали, что им придется жить в палатках, в дикой и пустынной местности, преодолевая всякие трудности и лишения, но, оказывается, экспедиция ведет раскопки почти в середине населенного пункта, сотрудники ее размещаются в обыкновенных домах и готовят пищу не на костре, а на самой обыкновенной кухонной плите. «Подождите, - говорим мы нетерпеливым искателям приключений, - и трудностей, и романтики на вашу долю хватит, а если вам не хочется жить в домах, вот вам палатки - попробуйте, разбейте лагерь хотя бы на городище». Находились упрямцы, которые упорно пытались организовать палаточно-лагерный быт, но никто, кажется, не выдержал более двух суток. Пробежав всю ночь вокруг палатки, яростно отбиваясь от комаров, измученные «палатковладельцы» наутро признавали преимущества более цивилизованного образа жизни в домах с окнами, затянутыми частой марлей.

О злом нраве недвиговских комаров, выводящихся в плавнях донской дельты, писал еще Леонтьев: «В Недвиговку прибыли мы 8-го июля поздним вечером. Нас поразило неожиданное зрелище костров камыша, разведенных перед каждым домом для отгона комаров. Эти костры зажигаются здесь перед заходом солнца и горят всю ночь; только вблизи их редуют рои кровожадных насекомых» (*П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. - Сборник «Прописи», т. IV, стр. 408*). В те времена было много и малярийных комаров, теперь с малярией покончено, но кусаются комары ничуть не слабее своих далеких предков. По счастью, днем на солнышке комаров совсем не бывает, да и по ночам они свирепствуют далеко не всегда - бывают совсем спокойные сезоны.

Настоящие трудности начинаются с началом раскопок. Ох, как трудно вставать ежедневно в 5

часов утра, чтобы к 6 быть уже на раскопе. Так хочется урвать для сна еще часок, еще полчаса. Но неумолимые экспедиционные законы требуют, чтобы работа началась точно, минута в минуту, и никто в экспедиции, включая и ее начальника, не может опаздывать.

А сама работа? Попробуйте семь часов подряд под палящим июльским солнцем выбрасывать из раскопа на двух-трехметровую высоту тяжелой грабаркой землю, перемешанную с камнями, или с помощью кирки и лома разбирать каменные завалы древних обвалившихся стен и башен, или, скрючившись в три погибели в узкой и тесной могильной яме, скальпелем и кисточкой осторожно, как хирург, расчищать полуистлевший костяк, боясь дохнуть, чтобы не нарушить расположение мелких косточек, бусинок, обрывков рассыпающейся ткани. Солнце уже в 9 часов утра печет невыносимо, и хочется все снять с себя, но раздеваться нельзя - сразу обгоришь, только постепенно можно приучить кожу к солнечным лучам. Начальники раскопов неустанно предупреждают об этом новичков, и все же каждый год после одного-двух дней работы несколько человек могут лежать на своих матрацах только на животе, а экспедиционные запасы масла уменьшаются за счет смазывания обгоревших спин и конечностей неосторожных любителей солнечных ванн. Позднее, по привычке, уже почти все участники экспедиции работают полуголыми в шортах, трусах или купальных костюмах. Но и это не спасает, разумеется, от изнуряющей жары. Солнце, кажется, неподвижно стоит в безоблачном небе, и на пустынном городище некуда укрыться от его беспощадных лучей даже в десятиминутные перерывы, устраиваемые через каждый час работы. Особенно трудно приходится тем, кто работает внизу, в глубине раскопа, где нет никакого движения воздуха.

Когда создается уже полное впечатление пребывания в закрытой духовке, когда сердце готово, кажется, выпрыгнуть, остается единственное желание, чтобы подул ветер и хоть немного освежил бы. Но вот ветер налетает, и тогда тот, кто мечтал о нем, жаждет, чтобы он скорее улегся.

Сухой и горячий ветер степей не приносит избавления от жары, но он поднимает тучи пыли, крутит эту пыль в раскопе, бросает в лицо работающим. Сыпучий сухой грунт городища, чуть ли не на половину состоящий из золы очагов и пожарищ, при малейшем ветерке дает настоящие пыльные смерчи, которые срываются с куч выброшенной из раскопа земли, бушуют в раскопе, несутся через все городище. Серая пыль плотным слоем покрывает потные спины рабочих, скрипит на зубах, забивается в нос, глаза. Никакие противопыльные очки не спасают в ветреный день от этой всепроникающей золистой пыли.

Нет, нелегко вырвать у земли ее тайны! Много сил и труда приходится затратить, чтобы добыть новые факты, новые материалы, новые свидетельства давно прошедшей жизни.

Но зато какое ни с чем не сравнимое удовлетворение получают все участники раскопок, когда удастся сделать новое открытие, новую интересную находку. Тогда забываются и жара, и усталость, и мозоли на руках, и волдыри на обожженных плечах.

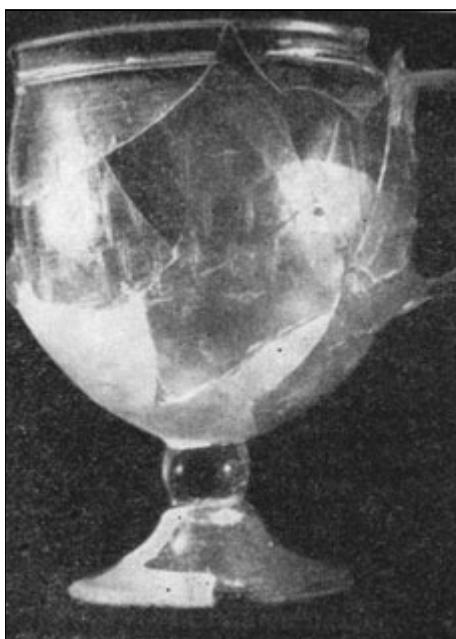
Вот после многих дней кропотливого и тяжелого труда по разборке каменного завала, заполнившего древний подвал, рабочие подошли к полу помещения. Здание погибло в огне во время огромного пожара, охватившего весь город, поэтому можно ожидать, что в подвале будет найдено то, что хранилось там к моменту гибели дома. И действительно, среди камней завала показывается горлышко амфоры, потом второе, третье. Осторожно вокруг разбираем ножами камни и кисточками расчищаем землю. И вот уже несколько амфор лежат перед нами в одном из углов помещения. Они разбиты и раздавлены тяжестью обрушившихся сверху камней, но сохраняют первоначальную форму. Тщательно собрав все их обломки, можно будет склеить их. А дальше лежат уже совсем целые сосуды, сохранившиеся под трехметровым слоем земли. Что хранилось в этих амфорах? Почему в одном подвале их оказалось более сотни? Может быть этот подвал принадлежал какому-нибудь торговцу и служил складом товаров? И как бы в подтверждение этой догадки из-под камней извлекают

круглую бронзовую чашечку от весов.

Видны горлышки амфор, хранящихся в подвале

Находки следуют одна за другой: глиняные горшки, железный нож, светильники. Вот обломки тонкого стеклянного кубка, привезенного издалека,- такие кубки выделялись в первых веках н. э. на берегах Рейна, в мастерских Галлии. Кубок раздавлен камнями, но и его можно будет собрать и склеить. А вот несколько бронзовых монет. Это особенно ценная находка: монеты укажут нам почти точную дату гибели дома ведь на них обозначены имена царей, выпустивших эти монеты, а годы царствований нам известны. И не беда, что монеты, пролежавшие в земле несколько столетий, окислены настолько, что под зеленой патиной ничего невозможно разобрать: в лаборатории их подвергнут очистке, и надписи и изображения выступят вновь.

Этот стеклянный кубок привезен в Танаис с Рейна

На другом раскопе, за пределами городища, там, где находится некрополь кладбище древних танаитов, два студента осторожно расчищают только что открытое погребение. Из-под ножа и кисти, которыми счищают сухую землю, постепенно появляются сначала череп, потом ребра и кости рук, затем тазовые кости, бедренные и берцовые и наконец на дне могилы лежит весь костяк. Не только человеческий скелет достался исследователям. Так же тщательно очищенные от земли, но не сдвинутые с места, лежат около скелета вещи, положенные когда-то с умершим. В ногах погребенного стоит небольшой целый глиняный горшок, в котором, конечно, была положена в могилу пища, теперь уже совершенно истлевшая и смешавшаяся с землей. Среди костей грудной клетки лежит маленький бронзовый диск - древнее зеркало, положенное на грудь умершего. На костях левой руки - бронзовый браслет. Что-то блестит

около шейных позвонков. Один из студентов возобновляет расчистку костей в районе шеи и обнаруживает рассыпавшиеся бусины из блестящего желтого металла. «Золото, золото!» возбужденно кричит он начальнику раскопа. Этот крик привлекает всеобщее внимание, все работники сгрудились вокруг могилы; вездесущие мальчишки, наблюдавшие сверху за расчисткой «мертвеца», готовы спрыгнуть в раскоп, и только строгий окрик начальника удерживает их наверху. В раскоп поспешно спускается подошедший начальник экспедиции. Он пристально рассматривает лежащие в земле бусины, лицо его выражает глубокое разочарование. «Эх, Вы, - говорит он студенту, - как же Вы не можете отличить золото от меди? Ведь бусинки-то медные...». Студент сконфужен, он старается скрыть смущение, усиленно обметая кисточкой и без того уже чистый череп. Все успокаивается, и работа идет своим чередом: скелет зарисовывается, делаются фотографии, кости и найденные вещи упаковываются, место могилы еще раз перекапывается и грунт просматривается, чтобы не упустить какой-нибудь мелочи.

И только вечером, после ужина, начальник экспедиции вызывает к себе провинившегося студента и говорит ему: «Бусы-то, конечно, золотые, а не медные, но разве можно, дорогой мой, поднимать такой крик и создавать ажиотаж вокруг находки золотых бус. Ведь из-за этих несчастных бусинок окрестные мальчишки могли бы ночью нам весь раскоп расковырять. Вот мне и пришлось убеждать всех, что они медные. Другой раз будьте выдержанней и не создавайте ненужного шума». Впрочем, этот «другой раз» может и не представиться - ведь не так часто в танаисских могилах встречаются золотые вещи. Но для археолога каждое раскрытое погребение, богатое и бедное, представляет ценность, и каждое расчищается и исследуется с напряженным вниманием и интересом.

После трудового дня

Рабочий день у сотрудников экспедиции ненормирован. Собственно самые раскопочные работы продолжаются 7 часов, но нередко приходится задерживаться в поле значительно дольше. После того как уйдут рабочие, продолжается разборка, классификация и упаковка найденных материалов, обмеры и зачерчивание открытых сооружений, заполнение полевых дневников. Древние могилы почему-то обычно обнаруживаются именно в конце рабочего дня, а ведь нельзя оставить на раскопе недочищенный костяк. И в таком случае работа продолжается еще 3-4 часа, пока все погребение не будет исследовано до конца. А когда мы, нагруженные дневной добычей, возвращаемся с городища в хутор, там ждут нас другие обязанности и дела: нужно составлять опись найденных вещей, производить всевозможные финансовые расчеты, заботиться о продовольствии для экспедиции и т. д. Чем моложе и неопытнее сотрудник, тем меньше обязанностей лежит на нем, но тот, кто уже неоднократно бывал в экспедициях, кто знаком и с техникой ведения раскопок, и с организационной стороной экспедиционной работы, всегда загружен делами, что называется, выше головы. И нередко уже поздно вечером, когда молодежь спит или гуляет в степи, старший состав экспедиции все еще сидит над чертежами или над ведомостями, подводя итоги работы, анализируя полученные данные, намечая дальнейшие планы. Но какой бы ни была напряженной работа в экспедиции, у ее участников всегда найдется время и для отдыха, и для развлечений. И товарищеский футбольный матч между студентами и местной хуторской командой, и поход за 2 км в сельской клуб на танцы или в кино, и просто прогулка компанией в сопровождении гитарного перебора и с пением песен по теплой и душистой летней степи - мало ли чем можно заняться в свободный от работы вечер.

Но самым излюбленным, самым притягательным местом отдыха является река. Широкий и медлительный Мертвый Донец плещется у самых домиков хутора, чьи дворы и огороды спускаются прямо к реке, а иногда и затопляются ее водами. Хорошо утром, едва проснувшись, выскочить из дома и окунуться в холодную воду реки, разгоняя остатки сна. И уже совсем невозможно обойтись без купания после работы, когда истомленное жарой и пылью раскопок тело жаждет освежающего прикосновения прохладной воды. И не беда, что

дно реки илистое, а у берега много камней и водорослей, - достаточно смыть с себя пыль и пот, чтобы почувствовать себя обновленным и воскресшим от сонной одури, вызванной полднейной духотой и усталостью. А позднее хорошо взять у хозяина каику, как здесь называют большие плоскодонные лодки, и отправиться на веслах по Донцу и по бесконечным извилистым ерикам донской дельты, любясь зелеными поросшими камышом берегами. Или выбрать себе бухточку поукромней, закрепить лодку трехпалой железной кошкой - якорем - и размотать прихваченные с собой удочки. Вряд ли улов будет значительным, но любителя-рыболова до темноты не могут прогнать ни вечерняя прохлада, ни голод, ни стаи докучливых комаров, вьющиеся над камышами и лодкой. Вечером и просто хорошо посидеть на берегу реки, глядя на светлую лунную дорожку на воде и на далекие, едва различимые огоньки Азова на противоположной стороне дельты. Хорошо мечтается в такие вечера, когда тишину нарушают только тихий шелест воды, кваканье лягушек да далекий стук моторки или плеск весел одинокой лодчонки. И точно пришельцем из какого-то другого, забытого вами мира покажется в такое мгновение сверкающий огнями скорый поезд, с грохотом промчавшийся через хутор.

В воскресный день, свободный от работы, экспедиционный шофер с раннего утра готовит машину в дальний рейс. В кузов кладутся набитые сеном матрацы и спальные мешки, поверх настилается большой брезент. На брезенте кто лежат, кто сидя располагаются участники воскресной поездки. Повариха сует в машину корзину с заранее испеченными пирогами, крутыми яйцами, помидорами, абрикосами. С шумом, смехом и песнями, поднимая облако пыли и распушивая соседских кур, выезжаем мы на дорогу. Куда бы ни поехали мы на этот раз, везде будет весело и интересно. В Таганроге можно выкупаться в Азовском море, посетить дом-музей Чехова и памятник Петру Великому работы Антокольского, в Азове - полазить по остаткам грандиозных турецких укреплений, в Новочеркасске - осмотреть Музей истории донского казачества, величественный собор. И всюду, конечно, нужно посетить местные краеведческие музеи и книжные магазины, сходить в кино, поесть мороженого, немного приобщиться опять к уже полузабытому городскому быту. А можно съездить к соседям и коллегам в другие археологические экспедиции, ведущие раскопки на Нижнем Дону, или посетить другие археологические памятники - Елисаветовское или Нижне-Гниловское городище, стоянки каменного века в районе Таганрога, Петровскую крепость на Миусском лимане. Вечером усталые, запыленные, обветренные и охрипшие, но довольные и полные свежих впечатлений возвращаются участники поездки домой, чтобы на другой день начать новую трудовую неделю.

Размеренное течение экспедиционной жизни прерывается время от времени событиями местного значения. Радостные или печальные, они всегда затрагивают всех членов экспедиции. Отправка разведывательной партии на острова донской дельты или поломка экспедиционной машины, празднование дня рождения кого-нибудь из сотрудников или потеря денег незадачливым студентом, отправленным за продуктами на базар в Ростов, приезд гостей из соседней экспедиции, болезнь начальника раскопа, задержка банком выплаты командировочных, новая интересная находка - все это тотчас же становится достоянием всей экспедиции и волнует всех ее участников. То, что в обычных условиях городской жизни явилось бы личным делом каждого, в экспедиции сразу приобретает общественный интерес, становится делом всего коллектива.

Вот почему так важно, чтобы экспедиция была не просто собранием определенного числа специалистов, а подлинным спаянным коллективом; вот почему так мешают в экспедиции люди случайные, равнодушные к общему делу. Человек, едущий в археологическую экспедицию, может иметь любую квалификацию и специальность - он может быть научным сотрудником или поваром, шофером или школьником, топографом или студентом. Но он должен прежде всего быть энтузиастом экспедиции, он должен быть готовым сделать все для ее успеха, выполнить любую работу, которая потребуется и которая ему по силам. Если экспедиция состоит из таких энтузиастов, ей не страшны никакие трудности, никакие

чрезвычайные происшествия.

Настоящие ЧП случаются в экспедиции, конечно, не так уже часто, но когда они происходят, особенно важны единодушие и взаимоподдержка всего коллектива. Вот лишь два случая из жизни Нижне-Донской экспедиции.

Темной ненастной ночью, какие очень редко бывают летом в этих местах, по улочкам хутора бежал парень и стучал в окошки домов, где остановились члены экспедиции. Поднятые с постелей этим тревожным стуком, ребята выскакивали в одних трусах на улицу под дождь и поспешно собирались во дворе одного из домов на самом берегу реки, где находилась база экспедиции. С вечера дул сильный западный ветер, загоня воды Таганрогского залива в устье реки. Вода поднялась, подойдя к самым плетням и огородам хутора. Грузовая машина, прибывшая накануне из дальнего рейса, стояла в глубокой воде. Шофер поставил ее на берегу, рассчитывая утром выгрузить уголь, привезенный для нужд экспедиционной кухни. Ночью он проснулся от плеска реки и увидел себя окруженным со всех сторон водой. Он попытался вывезти машину на более высокое место, но тяжело груженная машина буксовала на размытом грунте и только глубже оседала в воду, которая грозила залить радиатор. Вот тогда-то и объявили аврал: нужно было срочно выгрузить из машины 3 т угля, чтобы дать ей возможность выбраться из воды. Забравшись в кузов, двое ребят лопатами насыпали уголь в широкие двуручные корзины, какие употребляют здесь рыбаки для рыбы. Другие по шатким, положенным на камни доскам перетаскивали эти корзины во двор базы и ссыпали уголь в угол сарая. В колеблющемся свете фонаря «летучая мышь» вся картина представлялась фантастической: голые, мокрые парни, перепачканные с ног до головы углем, походили на чертей, выполняющих какую-то спешную адскую работу. Но дело было сделано вовремя, и через 2 часа «чертовой» работы разгруженная автомашина смогла вырваться из водяного плена.

В другой раз сильная гроза с проливным дождем заставила нас прервать раскопки в середине рабочего дня. Прикрыв листами бумаги и присыпав сверху землей недочищенный костяк, наскоро собрав инвентарь, завернув в одежду чертежи и дневники, все кинулись, спасаясь от ливня, в ближайший дом. Но не успели мы отдышаться и отжать промокшие рубахи, как на улице раздался истошный крик: «Пожар!» Молния, ударив в одну из соседних хат, подожгла ее соломенную крышу и крышу примыкавшего к ней сарая. Несколько ребятишек во дворе горевшего дома с ужасом смотрели на занявшуюся крышу, и какая-то старуха, причитая, металась по двору. Почти все взрослое население хутора в эти часы находилось в поле, и трудно было надеяться, что кто-нибудь скоро сможет прийти на помощь. Через мгновение все члены экспедиции были на улице и устремились к горевшей усадьбе. Некоторые полезли на постройку, сбрасывали вилами пылавшую солому с крыши, рубили топорами загоревшиеся стропила, другие вытаскивали из дома имущество. Женщины, скользя на мокром глинистом откосе, в ведрах и ушатах носили от реки и подавали наверх воду. Стали подбегать и местные жители, с ходу включаясь в общую работу. Крик ужаса вырвался у всех, когда один из сотрудников экспедиции провалился сквозь крышу внутрь дома, подняв огромный сноп искр. К счастью, все обошлось благополучно, и добровольные пожарные отделались лишь ушибами и небольшими ожогами. Дом удалось отстоять, сгорели только крыша и сарай. Но ни скот, ни остальное имущество не пострадали; не допустили и распространения огня на другие соседние постройки. Никто не смотрел на часы, и потом трудно было определить, сколько времени заняла эта борьба, но участникам событий казалось, что прошло всего несколько минут.

На другой день областная газета «Молот» напечатала заметку о пожаре, написанную кем-то из работников сельсовета, и всем нам было приятно найти в ней слова благодарности в адрес экспедиции.

Прощай, Танаис!

Как ни интересна работа в экспедиции, как ни пленительны тихие донские вечера, но к концу работы всех уже тянет назад домой. Все отчетливее вспоминаются домашние радости и соблазны столичной жизни, все чаще начинаешь мысленно подсчитывать оставшиеся до отъезда дни. И проходящие через хутор поезда уже не кажутся заброшенными случайно из чужого мира. Они манят и зовут, они напоминают о том, что всего 18 часов езды отделяют нас от Москвы, от родных и друзей, от библиотек и театров, от всего того, что было оставлено нами полтора месяца назад и что теперь так властно влечет обратно. И таблички на поездах «Кисловодск - Москва», «Тбилиси - Москва» становятся как бы залогом нашего скорого возвращения. Наконец определяется срок отъезда, и все в экспедиции приходит в движение. Перед концом экспедиции у каждого участника всегда оказывается особенно много работы. Нужно еще тут докопать, там дочистить, в одном месте произвести обмеры, в другом - засыпать яму, в третьем - сфотографировать расчищенную в последний момент кладку и т. д.

Одновременно идет подготовка к отъезду и отправке грузов. Собирают, пересчитывают и связывают инструмент, моют и чистят кухонную посуду, покупают ящики и забивают в них находки, осторожно упаковывают в бумагу и стружку целые сосуды и хрупкие вещи.

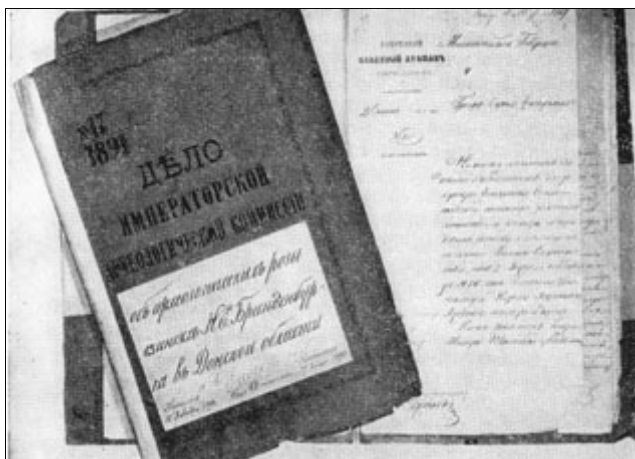
По традиции после окончания работы устраивается «отвальная» - праздничный ужин, для которого загодя закупаются вино и сладости, пекутся пироги и готовятся салаты. Никого не смущает непритязательность экспедиционной сервировки - то, что вино приходится наливать в кружки, а скатерти заменяет разостланная прямо на травке упаковочная бумага, вокруг которой в живописных позах полулежа располагаются участники пира. Шутки, смех, песни звучат в этот вечер далеко за полночь над тихой рекой, на улочках хутора, на освещенном луной пустынным городище. Радостно на сердце и от сознания, что работа успешно закончена, и от ожидания предстоящей встречи с Москвой.

На следующее утро начинается разъезд экспедиции. И опять, как в Москве, в начале экспедиции, первой выезжает в путь автомашина, груженная оборудованием и ящиками с археологической добычей. А вслед за ней отправляются в Ростов и сотрудники экспедиции, чтобы оттуда поездом или самолетом (уж очень нетерпится!) вернуться в родную Москву. Прощай, Недвиговка, прощай Танаис, до будущего полевого сезона!

ИЗ РУИН И ПЕПЛА

В пыли архивов

Прежде чем приниматься за раскопки, археолог обязан познакомиться со всем тем, что уже известно об изучаемом памятнике, со всеми работами, которые на нем производились. В отношении Недвиговского городища это было сделать не особенно трудно: несмотря на большой объем проведенных здесь ранее раскопок, материалов о Танаисе сохранилось сравнительно немного. Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего Танаиса, довольно общий отчет о раскопках Леонтьева и совсем уже краткие заметки о раскопках Хицунова, Тизенгаузена и Веселовского - вот почти все, что было опубликовано о прежних работах на городище. Правда, в архивах хранятся еще рукописные документы об этих раскопках. В аккуратно подшитых и пронумерованных «делах» сохраняются написанные каллиграфическим почерком писарей различные справки и отношения об отпуске нужных на раскопки сумм, распоряжения наказному атаману казачьего Войска Донского об оказании помощи в исследовании Недвиговского городища, ведомости на выплату прогонных денег на лошадей и другие казенные бумаги, несущие на себе штампы различных министерств и департаментов и размашистые подписи титулованных сановников, министров и генералов. Вся бюрократическая мощь Российской империи Николая I и Александра II встает за этими витиеватыми составленными и красиво написанными, с росчерками и украшениями, бумагами различных «сиятельств» и «превосходительств».

Множество канцелярских бумаг, относящихся к организации раскопок, хранится в архивах

Есть в синих архивных папках и собственноручные письма или отчеты исследователей, но они добавляют сравнительно немного к тому, что было опубликовано. Ни описаний открытых построек и могил, ни полного перечисления найденных предметов, ни зарисовок или чертежей эти отчеты не содержат. Да и зачем стали бы делать рисунки или составлять описания Хицунов или Тизенгаузен, если они считали, что произведенные ими раскопки неудачны, что открытые древности почти никакой ценности не имеют, поскольку они не содержат художественных изделий.

Особенно досадной оказалась утрата подробного плана городища, составленного Леонтьевым. План этот был представлен им графу Л. А. Перовскому, но куда он делся потом - неизвестно, во всяком случае ни в каких архивах обнаружить его до сих пор не удалось. А между тем на этом плане Леонтьев обозначил не только все раскопки и траншеи, которые он проложил на городище и в его окрестностях, но и места наиболее интересных находок и построек. В тексте отчетов самого Леонтьева и его помощника А. А. Авдеева постоянно встречаются указания на те или иные сооружения, обнаруженные раскопками, с обозначением шифром мест, где они были открыты: O/P-8; N - 9d и т. п. Понятно, как важно было бы определить, какие именно участки городища скрываются за этими шифрами. Но как это сделать, если план городища, расшифрованы эти обозначения, не сохранился?

По манере шифровки можно было предположить, что Леонтьев разграфил все городище и его ближайшие окрестности на квадраты и обозначил эти квадраты цифрами и латинскими буквами, подобно тому, как это делается с квадратами шахматной доски. Но какова была эта составленная Леонтьевым сетка? Что он брал за единицу измерения, как ориентировал квадраты, откуда начиналась их нумерация? Все это были неизвестные величины в уравнении, которое предстояло решить. Мы составили множество вариантов сетки, пока не нашли единственно верную, со стороной квадрата в 20 саженей. Наложив на современный план городища, эта сетка позволила определить с достаточным приближением, где находились указанные Леонтьевым точки. Квадраты с отметками остатков угловых башен действительно пришлись на углы городища, место городских ворот совпало с въездом на городище в середине южной оборонительной линии и т. д. Эти совпадения доказали правильность нашей реконструкции сетки Леонтьева и позволили определить места многих открытых им сооружений.

И все же мы бесконечно мало знали о внешнем облике города, о его хозяйственной и культурной жизни, о быте его жителей. Что могли рассказать об этом отдельные найденные при раскопках вещи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и в Историческом музее в Москве? Ведь при раскопках не отмечалось, при каких условиях были сделаны эти находки, в каких древних зданиях или в каких могилах, на какой глубине и с какими другими вещами они обнаружены. А археологическая находка теряет добрую половину своей научной стоимости, если неизвестно, в каких условиях, в каком месте и при каких обстоятельствах она

сделана. И хотя многие найденные Леонтьевым и другими исследователями древности были очень интересны сами по себе, они не могли дать представления о древнем городе в целом, о его быте и культуре. К тому же, как мы знаем, археологи прошлого брали в музей лишь очень незначительную часть найденных предметов, весь же массовый материал, который только один и может рассказать о повседневной будничной жизни древнего населения, просто выбрасывался без всякого описания.

Танаисским древностям было посвящено, кроме отчетов, также несколько специальных статей, иногда очень полезных и интересных. Но все эти работы касались только отдельных вопросов, отдельных надписей, отдельных вещей, а не давали общего описания древнего города и его истории.

Незадолго перед Великой Отечественной войной ленинградский археолог профессор Татьяна Николаевна Книпович занялась изучением всего, что известно о Танаисе. Она снова исследовала все найденные на Недвиговском городище надписи, перечитала все отчеты прежних ученых, напечатанные и рукописные, пересмотрела в музеях разных городов все вещи, добытые при раскопках Танаиса, - словом, собрала все, что можно было собрать о Недвиговском городище. Вскоре после войны вышла из печати ее книга «Танаис». В ней Книпович разобрала весь археологический материал, определила время и место изготовления многих категорий вещей, сделала очень интересные наблюдения и выводы. Она, в частности, вскрыла ошибку Леонтьева, доказав, что среди недвиговских находок есть много таких, которые относятся еще к III, II и I вв. до н. э. Но и Книпович не смогла все же написать историю древнего города и нарисовать картину жизни его обитателей: для этого у нее не оказалось достаточно материала. После выхода в свет книги Книпович стало совершенно ясно, что для дальнейшего изучения истории Танаиса и всего Нижнего Подонья и Приазовья необходимы новые раскопки.

Умершие города

Как же производятся раскопки древнего города? Какими приемами, какими орудиями пользуются археологи, как восстанавливают они по открытым мертвым развалинам живые картины прошлой жизни? Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо представить себе, как образовалось то, что в археологии называется городищем, каким образом оказался под землей целый древний город.

Представьте себе небольшой, но оживленный городок. Каменные домики с черепичными или камышовыми крышами занимают все пространство внутри мощных оборонительных стен. За пределами городской стены селиться опасно: в любой момент могут налететь из степи воинственные кочевники, сжечь дом, убить или захватить в плен его обитателей. Именно этих-то подвижных и неуловимых, сильных и беспощадных врагов высматривают день и ночь находящиеся на башнях воины. А внутри городка кипит жизнь. Торговцы гонят на базар по узким мощеным улочкам ослов с поклажей, в гончарных мастерских рабы под наблюдением надсмотрщика формуют и обжигают глиняную посуду, в гавани разгружаются корабли, привезшие из далеких стран ткани и металлы, вино и оливковое масло; рыбаки забрасывают на реке сети и производят засолку рыбы в больших глиняных бочках - пифосах. Именно так и выглядел Танаис в период его расцвета.

Но вот приходит беда. Кочевникам удается силой или хитростью овладеть городом. Защитники его частично перебиты, частично захвачены в плен и угнаны в рабство. Свирепые победители поспешно обшаривают дома, вытаскивают все наиболее ценное, навьючивают на своих коней, выгоняют из хлевов скот, на арканах волокут за собой уцелевших жителей. И удаляются, оставив за собой пустой, ограбленный и подожженный со всех сторон город. Город горит, его некому тушить. Обрушиваются кровли, растрескивается от жара глина, скрепляющая камни стен, обваливаются сами камни, засыпая обломками помещения и

улучки. Когда огонь стихает, только мрачные покрытые копотью развалины возвышаются на том месте, где недавно находился полный жизни город.

Силы природы завершают начатое людьми разрушение. Осенние дожди подмывают стены, зимой лед разрывает каменные кладки, ветры заносят развалины песком и пылью. Все более разрушается древний город, все более затягивается он землей. Проходят годы, десятилетия, века. Только отдельные торчащие над землей верхние части стен свидетельствуют о том, что здесь была когда-то жизнь. Но проходит еще время, и эти остатки обрушиваются или разбираются на камень окрестными жителями, новым населением, которому и дела нет до происшедшей тут когда-то трагедии. Так исчезают с лица земли последние видимые следы прошлой жизни, и теперь уже только лопата археолога может извлечь из недр ее вещественные остатки.

В этой книге собрано все, что было известно о Танаисе до работ Нижне-Донской экспедиции

Древний город может погибнуть не только во время вражеского нашествия, но и от других причин. Он может быть разрушен землетрясением, наводнением, пожаром, может быть, наконец, просто оставлен жителями вследствие каких-нибудь обстоятельств: перемещения торговых путей, исчезновения источников воды и т. д. Но во всех этих случаях судьба брошенного города одинакова - он обречен на дальнейшее разрушение и погребение под слоями наносной земли, или песка, или ила, он становится городищем - объектом археологического исследования.

Конечно может случиться, что древний город продолжает жить и теперь, что он не пережил никаких катастроф или восстанавливался на прежнем месте после разгрома или пожара. Мало ли на свете городов, чей возраст исчисляется многими столетиями? Например, Киев или Новгород существуют уже более тысячелетия, Москва немного менее, Рим - уже почти 3000 лет; есть и еще более древние города. Сохраняют ли они память о давно прошедших временах? Можно ли их исследовать археологически? Конечно, хотя это и трудно: современные сооружения часто не позволяют производить раскопки там, где это хотелось бы историкам, а более древние постройки обычно оказываются разрушенными в результате нового строительства. В живом городе раскопки можно производить лишь на редких незастроенных участках. Другое дело - заброшенный и невосстановленный город. Он может быть раскопан, если нужно, целиком.

Для археологов особенно благоприятен случай, когда древний город погиб полностью и

внезапно во время какой-нибудь большой катастрофы: в таких случаях картина древней жизни вырисовывается с особой полнотой. Ведь когда жители покидают свои дома в спокойной обстановке, например при переезде на новое место жительства, они забирают с собой все, что еще может служить им, оставляя только голые стены. Ясно, что раскопки такого постепенно покинутого жителями древнего поселения дадут минимальное количество находок. А когда разражается внезапная катастрофа, люди не могут или не успевают унести даже наиболее ценное свое имущество и оно остается под развалинами до тех пор, пока раскопки не извлекут его снова на свет. Домашняя утварь и посуда, орудия производства и оружие, запасы продовольствия и товары, украшения и монеты - все это и многое другое погребенное под развалинами дожидается исследователя. Иногда при раскопках удается обнаружить и останки самих обитателей жилищ, застигнутых катастрофой и погибших в домах и на улицах города.

Но как бы ни погиб древний город или любое древнее поселение, оно исследуется археологами со всей тщательностью, которой требует современная наука. Много десятилетий, целые столетия прошли с той поры, когда были произведены первые археологические раскопки, до того времени, когда была выработана современная научная методика раскопок. И сколько археологических памятников было погублено и испорчено неумелыми раскопками! Ведь археолог, раскапывая какое-нибудь поселение или могилу, тем самым уничтожает их. Поэтому так велика ответственность ученого, взявшегося за раскопки, поэтому далеко не всем, а только опытным археологам выдаются «открытые листы» - разрешение на раскопки, поэтому с такой придирчивостью контролирует Академия наук деятельность археологических экспедиций и проверяет их отчеты. Даже в том случае, когда на месте раскопок создается, как это делается, например, в Танаисе, археологический заповедник, когда все находки поступают в музей, археолог все же уничтожает при раскопках очень важный объект исследований, так называемый «культурный слой».

Там, где долго живут люди, накапливаются всякие остатки человеческой деятельности. Это и строительные материалы, и разнообразный мусор, и кости и навоз животных, и пищевые отходы, и утерянные или выброшенные вещи. Все это перемешивается с естественным грунтом (с песком или глиной) и в таком виде и составляет культурный слой - слой, содержащий остатки человеческой деятельности, человеческой культуры, в отличие от стерильного естественного грунта, или, как его называют археологи, материка. Чем дольше живут люди на одном месте, тем больше и больше нарастает культурный слой. Понятно, что новый мусор ложится сверху, и в культурном слое наиболее ранние вещи оказываются внизу, а более поздние - наверху, если только этот слой не перекопан и не поврежден. Если поселение существовало сотни и тысячи лет, культурный слой может достигать в толщину нескольких метров и даже десятков метров. Особенно мощные культурные слои имеют древние восточные города, глинобитные постройки которых, разрушаясь, почти целиком входят в состав культурного слоя. В современных населенных пунктах, где существует регулярная уборка улиц, вывозка мусора и строительных остатков, накопление культурного слоя идет очень медленно. Можно сказать, что, чем чище город, тем незначительнее будет культурный слой. Но в древности о гигиене и чистоте обычно не очень заботились, и ничто не мешало расти этому «некультурному» культурному слою.

Вот этот-то культурный слой и составляет главный предмет археологических исследований при раскопках древних поселений. Он включает в себя не только отдельные вещи или их обломки, но и остатки древних домов и других сооружений; в культурном слое бывают вырыты ямы или погребки, иногда в нем производятся и захоронения умерших. Внимательное изучение культурного слоя может ответить на множество вопросов: и о характере поселения, и о времени его жизни, и о причинах гибели, и о многом другом. Но для того чтобы получить ответы на эти вопросы, надо уметь спрашивать, надо не только умело вести раскопки, но и хорошо знать найденный материал и сделать из его изучения правильные выводы.

Когда лопата совершеннее экскаватора

Экспедиция прибыла на место работы, на городище. Начинаются поиски участка для раскопок и производится разбивка раскопа. О том, как выбирается место для раскопок, здесь говорить не стоит. Это сложное и ответственное дело - право и обязанность начальника экспедиции или отряда. Разные соображения должны быть приняты во внимание, многие факты учтены, прежде чем будет окончательно определено место раскопок. Но вот начальник сказал свое слово, и можно приступить к работе. При помощи мерных лент и реек, рулеток и компаса предназначенный к раскопке участок тщательно замеряется и рельеф его зачерчивается на миллиметровке. Разделенный кольшками и шпагатом на идеально ровные квадраты, лежит он перед нами, готовый открыть свои тайны.

Нелегко труд раскопщиков

Теперь можно начинать раскопки, теперь главная роль принадлежит лопате. Странно, конечно, видеть, как в наш век автоматики и электронно-вычислительных устройств большой объем работ на раскопках выполняется при помощи простой лопаты, той самой лопаты, которой копали землю наши предки тысячи лет тому назад. Но такова уж особенность археологических раскопок, что в огромном большинстве случаев они могут производиться только человеческими руками и самыми простыми инструментами - лопатой, киркой, кетменем. Если бы какой-нибудь сумасшедший археолог пустил бы на городище землеройные машины, например экскаваторы или бульдозеры, он только уничтожил бы памятник древности, не получив ничего: мощные механизмы снесли бы весь культурный слой со всеми находящимися в нем древними вещами и с остатками построек. Поэтому медленная и кропотливая работа лопатой, а часто и более мелким инструментом - совочком, ножом, кисточкой остается и теперь единственным возможным способом раскопок древних поселений.

Правда, все археологи теперь используют на раскопках механизмы. Но они могут использоваться только на подсобных работах, главным образом для удаления от раскопа выброшенной земли и камня. Скреперы и бульдозеры употребляются иногда еще для снятия насыпи при раскопках курганов, но исследование культурного слоя ведется всегда только вручную.

Зато лопатой археолог должен владеть в совершенстве. И каждые раскопки приходится начинать с обучения новичков обращению с этим, казалось бы, всем знакомым и таким простым инструментом. Тем более что при археологических раскопках и при других работах, скажем при вскапывании огорода, лопатой приходится пользоваться по-разному и это обычное орудие требует разного к себе подхода.

Обыкновенная лопата, которой копают землю, нажимая на нее ногой, носит название

штыковой лопаты в отличие от лопаты совковой, или грабарки, которой можно только выбрасывать уже вскопанный рыхлый грунт. А штыком в археологии называется пласт земли, который может быть вскопан на глубину штыковой лопаты, т. е. пласт глубиной в 15-20 см.

Осторожно, штык за штыком, снимается грунт в квадратах. После выборки каждого штыка дно квадрата тщательно зачищается, чтобы на нем видны были грунтовые пятна, которые обычно обозначают древние ямы, перекопы и т. п. Глубина каждого штыка в каждом квадрате замеряется и записывается в дневнике. Туда же заносятся и сведения о составе и характере грунта, о наличии камней и других «включений», о цвете и влажности грунта и т. п. Но главное внимание обращается, конечно, на находки в штыке. Каждый черепок глиняного горшка, каждый обломок кости, каждый осколок стекла должен быть поднят, определен и записан. У лаборанта, работающего, на разборочной площадке на борту раскопа, нет свободного времени: ведь каждый штык на каждом квадрате дает сотни и тысячи обломков, а все их надо пересмотреть, вымыть, рассортировать, пересчитать и записать. Бывает, что попадется несколько черепков от одного сосуда - в таком случае нужно их выделить отдельно, чтобы потом можно было склеить из них целую амфору, или миску, или кувшин. Наиболее интересные, важные и характерные находки отбираются и упаковываются для отправки в музей, остальные только определяются и записываются в дневник. И так штык за штыком на каждом квадрате: сбор находок, мытье, классификация, подсчет, запись, замеры - и опять все снова уже в следующем штыке.

Но вот в одном из квадратов круглое пятно более темного и более рыхлого грунта обнаруживает наличие древней ямы. Снятие штыков прекращается и начинается выборка грунта из ямы. Это работа тонкая: по изменению состава грунта следует определить границы ямы и так вычистить ее, чтобы вынуть все заполнение, но не повредить стенок и дна. Если яма выкопана, например, в глине, а заполнена золистым культурным слоем, это сделать совсем нетрудно, с этим справится любой рабочий. Но часто бывает так, что слой, в котором выкопана яма, и ее заполнение почти совершенно одинаковы, и тогда определить ее границы и произвести очистку ямы может только очень квалифицированный археолог, отлично «чувствующий» землю, умеющий по едва уловимым признакам, по незначительному изменению плотности или влажности грунта отличить перекопанную в древности землю от нетронутого культурного слоя. И сидит он в этой яме часами, постепенно выбирая из нее грунт и выбрасывая его наверх небольшой саперной лопаткой с короткой ручкой. Когда же работа окончена, оказывается, что яма имеет грушевидную форму: сравнительно узкую горловину, широкое плоское дно и около 2 м глубины.

На разборочной площадке

В таких ямах хранили в древности зерно, а отслужившие свой век зерновые ямы засыпались обычно мусором или просто землей. Но выборка грунтового пятна может привести к открытию и других древних земляных сооружений - каких-нибудь ям другого назначения, канав, землянок, наконец, могил.

При выборке ямы или другого грунтового пятна весь найденный материал разбирается и учитывается отдельно: ведь вещи, встреченные в заполнении ямы, могут сильно отличаться по времени от остатков в окружающем культурном слое. Эти вещи могут определить время существования ямы и ее назначение. После расчистки всякого земляного сооружения оно обязательно фотографируется, измеряется, описывается и заносится на чертежи, как и все постройки и сооружения вообще.

В Танаисе во все эпохи преобладало строительство из камня. Когда в раскопе начинает встречаться много камней, раскопки замедляются. Ведь нельзя вытащить из раскопа камень, не убедившись сначала, что он не является верхним камнем погребенной в земле стены. Поэтому камни не выворачивают, а обкапывают кругом, потом осторожно обчищают их от земли ножом, выясняя, связаны ли они с какой-нибудь кладкой или лежат просто в грунте. В последнем случае их обычно удаляют, отметив только в дневнике. Особенно трудно бывает разбирать каменные завалы, которых на Недвиговском городище великое множество. Они образовались от обрушения стен зданий и обычно заполняют собой развалины помещений, подвалы, дворы и пространство между домами. Главная трудность их разборки не в том, что приходится вручную вытаскивать из раскопов десятки тонн камня, хотя это тоже нелегко, а в том, что часто трудно отличить завал от расползшейся кладки. Если бы дома в Танаисе были сложены, как в других античных городах, из тесаных камней правильной формы, этого затруднения не было бы. Но выделить стену, кое-как сложенную без связующего раствора из необработанных камней неправильной формы, часто развалившуюся, среди завала таких же камней порой бывает не легче, чем найти точные границы земляной ямы.

В грунтовых ямах в древности хранилось зерно

Когда стены дома обнаружены, начинается осторожная выборка грунта и завалов из помещений. Теперь уже учет находок ведется не по квадратам, а по помещениям. Особенно осторожным и внимательным приходится быть при исследовании нижних слоев, близких к полу. Ведь на глинобитном или каменном полу помещений лежат все те предметы, которые находились в доме в момент его гибели.

Трудоемкая, но благородная работа - расчистка жилых и хозяйственных помещений

И очень важно не только найти их, не разбить и не сломать лопатой или киркой, но и не сдвинуть с места, чтобы можно было определить первоначальное положение каждой вещи в доме. Обычно в таких случаях лопаты откладываются в сторону и расчистка ведется мелким инструментом. Положение каждой вещи заносится на план, составляется подробное описание каждого помещения и всего здания, все стены, мостовые, печи и пр. обмеряются, зарисовываются, зачерчиваются, делается множество фотографий и всего раскопа, и отдельных деталей, и всех вещей в разных ракурсах, при разном освещении. Чем полнее, подробнее и разнообразнее эта так называемая полевая документация, тем больше уверенности в том, что ничто не упущено, что все необходимые данные зафиксированы. Ведь к дневникам, чертежам и фотографиям не раз придется обращаться позднее, при историческом исследовании и издании открытого памятника, и не только тем ученым, которые производили раскопки, но и другим, современным и последующим, для которых эта полевая документация будет единственным источником. А разве можем мы сейчас знать, какие вопросы и какие требования предъявят к этой информации наши потомки? Поэтому так важно сохранить сведения обо всех особенностях и деталях открытого памятника, как бы ни казались они нам сейчас несущественными.

Раскопки могил

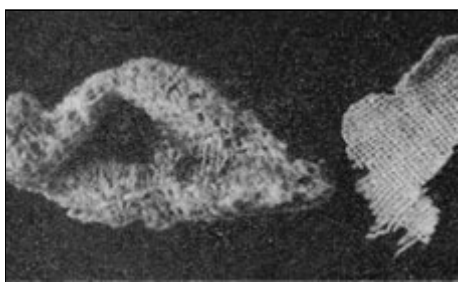
Раскопки древних некрополей всегда вызывают почему-то у публики большее внимание и больший интерес, чем раскопки поселений. Может быть, это объясняется тем, что именно раскопки погребений доставляют эффектные целые вещи, а может быть, и тем, что вид раскрытой могилы с лежащим в ней скелетом подсознательно вызывает у нас в памяти романтические и таинственные истории, знакомые еще с детства и связанные то с бабушкиными сказками, то с рассказами Эдгара По или романами Стівенсона. На самом деле раскопки могильников доставляют обычно значительно меньше исторических фактов, чем исследования поселений, и поэтому менее интересны, хотя пренебрегать ими, разумеется, нельзя. И исследование некрополя Танаиса дало очень ценные результаты, о которых нам еще придется говорить.

Раскопки могильника, если только этот могильник состоит из простых грунтовых могил, а не из курганов, ведутся так же, как и раскопки поселений, - по квадратам и штыкам. Но этот метод используется лишь до момента обнаружения пятна могильной ямы; после этого сплошная раскопка прекращается и начинается кропотливое и медленное исследование самой могилы. Из могильной ямы выбирается насыпной грунт точно так же, как из зерновой ямы, но более осторожно, чтобы не задеть и не потревожить лежащее на дне могилы погребение. Кости погребенного и все положенные в могилу вещи ни в коем случае не должны быть сдвинуты с места, вся засыпь постепенно удаляется мелкими инструментами: при расчистке погребения употребляются не только ножи и малярные кисти, но и скальпели, пинцеты и

совсем маленькие кисточки. Обычно зачистка могилы требует многих часов напряженной работы, а если могила сложная, если в ней захоронен не один, а несколько покойников, ее исследование может затянуться и на ряд дней.

Хорошо, если кости умершего прилично сохранились, тогда расчистка костяка - дело сравнительно легкое. Но часто бывает, что от скелета остается одна только труха, которая рассыпается и разлетается от одного прикосновения и даже от неосторожного вздоха. А точное положение всех костей скелета определить все же необходимо. В таких случаях от археолога требуются виртуозное мастерство, предельная аккуратность и завидное терпение.

Так же трудно бывает иногда очистить от земли и положенные в могилу вещи, если они очень плохо сохранились. В очень хорошем состоянии доходит до нас обычно положенная в могилы глиняная или стеклянная посуда: если она и раздавлена землей, то ее нетрудно реставрировать, достаточно для этого лишь собрать тщательно все обломки. А вот изделия из кости и металлов (кроме золота) сохраняются гораздо хуже. Нередко вместо металлической вещи - украшения или орудия - в могиле лежит уже только комок окиси, сохраняющий первоначальную форму предмета. Еще хуже сохраняются дерево, кожа, ткани и другие органические вещества. Конечно, умершего всегда клали в могилу одетым, но только в редких случаях удается найти в погребении остатки одежды и обуви. Иногда ткань прослеживается в виде отпечатков на дне могилы или маленькие кусочки ее, пропитанные окислами металла, сохраняются прилипшими к металлическим предметам - пряжкам, застежкам.

Очень редко удается найти в могиле остатки древней ткани от одежды погребенного

Когда погребение расчищено, приступают к работе чертежники и фотографы, которые детально фиксируют его. Все должно быть отмечено, записано и зарисовано: форма, размеры и глубина могильной ямы, направление и положение костяка, состав и расположение в могиле погребального инвентаря, характер засыпи могилы и наличие в ней находок. Только после всесторонней фиксации погребение может быть разобрано: все вещи и кости вынуты из могилы. Это нелегко сделать, если сохранность вещей или костей очень плохая. Попробует неопытный археолог взять в руки железный нож или меч, лежащий у пояса погребенного, а у него в руках остается лишь рассыпавшаяся бурая ржавчина. Чтобы взять такие плохо сохранившиеся вещи, их прямо в могиле, не сдвигая с места, заливают жидким гипсом, а затем уже вынимают вместе с гипсовой формой. Очень хрупкие предметы или кости скелета пропитывают для укрепления специальными клеями или смолами - лишь после этого становится возможным вынуть их из могилы.

Конечно, все найденные с погребенным вещи должны быть взяты. Берут обычно и череп и кости скелета. По костям еще на месте раскопок, как правило, можно определить пол и возраст погребенного. Но детальное изучение человеческих костей в лабораторных условиях специалистами-антропологами может дать много для выяснения расы и народности населения, которому принадлежал тот или иной некрополь.

Археолог за письменным столом

Когда произносят слова «археология», «археолог», сейчас же возникает представление о раскопках. Обыкновенно полагают (иногда это говорят даже археологи), что именно раскопки и являются главным в деятельности археолога, что они составляют чуть ли не главную цель археологической работы. Это, однако, глубокое заблуждение. Археология - часть исторической науки, и задачи у нее те же, что у истории,- воссоздание прошлого человечества и определение закономерностей его развития. Но историк проникает в тайны прошлого при помощи летописей, старинных документов и других письменных источников, а у археолога источники вещественные - все то, что было сделано когда-то человеком, а также останки самого человека. Историк находит свои материалы в печатных изданиях или в архивах, а археолог должен добыть их из-под земли посредством раскопок. Таким образом, раскопки не венец работы археолога, а лишь ее начальный этап, добывание материала для исторического исследования. Понятно, почему именно эта сторона нашей работы привлекает особое внимание: конечно, раскопки в поле куда романтичнее и необычнее, чем кабинетная исследовательская работа. И все же раскопки - это не главное, даже по времени: ведь археолог проводит в поле два-три месяца в году, а остальное время он посвящает изучению собранных материалов и написанию исторических трудов.

После возвращения из экспедиции в город начинается обработка добытых материалов. Проявляются пленки и печатаются экспедиционные снимки, перебеливаются на ватмане чертежи, перепечатаются описи находок. И находки тоже не лежат без движения. Специалисты-реставраторы подбирают и склеивают разбитые сосуды, при помощи кислот очищают от окислов металлические предметы, пропитывают специальными составами дерево и кость, обрывки кожи или ткани.

Рассматривая обнаруженные при раскопках материалы, исследователь должен постараться определить назначение, происхождение и дату каждого найденного предмета: определить, для чего, где и когда сделана та или иная вещь. Иногда это бывает сделать легко, иногда трудно, иногда совсем невозможно. Вновь приобретенные древности сравниваются и сопоставляются с ранее известными с того же городища, им подыскиваются аналогии в других местах - среди необозримого моря уже опубликованных археологических находок или среди вещей, хранящихся в различных музеях и коллекциях. Анализируется и положение каждой находки в раскопе, ее отношение к другим найденным предметам, ее место в раскопанном древнем доме или в погребении. Постепенно из рассмотрения отдельных вещей, отдельных построек складывается представление о всем комплексе, например о всем доме или о городском квартале, о святилище или об участке оборонительных сооружений, о кургане или о всем некрополе.

Нередко отдельные категории находок исследуют не только археологи, но и специалисты других областей науки. Мы уже говорили о изучении человеческих костей антропологами. Зоологи и ихтиологи рассматривают кости найденных при раскопках древних животных и рыб. Их работа позволяет определить удельный вес охоты и скотоводства в древнем хозяйстве, породы домашнего скота, виды промысловых животных и рыб, характер животноводства и многое другое. Металлографический анализ древних железных изделий дает представление о технике их изготовления, об источниках металла, об использовании местных руд или о привозе железа из других районов. Палеоботаники определяют породы дерева, употребленного для построек или для изготовления домашней утвари, по находкам зерен и соломы восстанавливают картину древнего земледелия. Это только отдельные примеры того, как специальные исследования разных материалов, добытых раскопками, могут приоткрыть перед нами различные стороны жизни древних людей.

Всестороннее изучение археологических памятников в процессе раскопок и после них способно дать очень яркое представление о самых разнообразных проявлениях человеческой деятельности и жизни общества в древности. Хозяйство и торговля, политическая и государственная жизнь, культура и искусство, религия и наука - все это так или иначе

отразилось в вещественных памятниках и может быть в них прочитано.

В дальнейших главах мы постараемся обрисовать жизнь древнего Танаиса и его историю, насколько это можно сделать на основании археологического исследования.

ВАРВАРЫ И ЭЛИНЫ

Скифы

Около 2500 лет тому назад в плодородных степях Восточной Европы обитали племена скифов, частью земледельцы частью кочевники, передвигавшиеся со своими стадами по необозримым степным равнинам. Самыми сильными и воинственными среди скифских племен были так называемые царские скифы, кочевавшие в степях Северного Приазовья. Всех остальных скифов они считали своими слугами и собирали с них дань. Это были скотоводы-кочевники, почти всю свою жизнь проводившие в седле и стремительно передвигавшиеся на низкорослых, но крепких лошадях со своими домами-повозками на четырех колесах. Огромные табуны лошадей считались главным богатством скифов, вся жизнь скифа-кочевника была связана с лошадью. Лошадь не только перевозила его, но и была основным средством питания: из кобыльего молока приготавливали кумыс, сыр и другие молочные продукты; конское мясо варили в больших бронзовых котлах; из конских кож изготовляли одежду, обувь, сбрую, разную бытовую утварь. Конечно, скифы добывали себе пищу и охотой на степную дичь, некоторое количество зерна и другой растительной пищи получали они от земледельческих племен, но все это было лишь добавлением к основному рациону, состоящему из конины и кобыльего молока.

Нам хорошо известны быт и обычаи скифов-кочевников по описаниям древних греческих географов и этнографов, особенно по сочинениям «отца истории» Геродота, который в V в. до н. э. сам посетил Скифию и оставил ее подробное описание, а также по изображениям скифов на древних металлических сосудах, оружии, украшениях, находимых при археологических раскопках в Северном Причерноморье. С замечательных изделий древнего художественного ремесла - с сосуда из кургана Куль-оба под Керчью, с вазы из кургана Чертомлык в Приднестровье - смотрят на нас широкие бородатые лица этих неукротимых степняков. Скифы всегда носили длинные волосы и бороды. Они одевались в кожаные или льняные одежды; костюм их составляли длинные штаны, иногда заправлявшиеся в мягкие кожаные сапоги, кафтан с поясом и войлочный колпак.

На электровом сосуде из кургана Куль-оба изображены скифские воины

Греческие писатели любят рассказывать о воинственности и отваге скифов. В древности их считали непобедимыми. Легкая скифская конница стремительно и внезапно нападала на

врага, осыпая его смертоносными стрелами с бронзовыми наконечниками. Луки и стрелы были основным оружием скифов: в походном положении лук вместе со стрелами носили на левом боку в особом футляре - горите. Справа на поясе скифа висел короткий меч-акинак, служивший оружием в тех редких случаях, когда его владельцу приходилось сражаться пешим. Но гораздо чаще, нанеся противнику значительный урон своими стрелами, скифы бешеным карьером, с гиканьем и свистом налетали на растерявшихся врагов, поражая их на скаку короткими дротиками или захлестывая ременной петлей своего лассо. И затем летучий скифский отряд так же внезапно рассыпался по степи, как бы растворялся в ней, чтобы через некоторое время вновь внезапно появиться и ударить в другом месте, где его меньше всего ожидали, сея ужас и смерть. Именно эту тактику с успехом применили скифы в конце VI в. до н. э., когда в Скифию вторгся с огромным войском персидский царь Дарий Гистасп. Он был вынужден в конце концов повернуть обратно, ничего не добившись и потеряв значительную часть своих воинов в ожесточенных схватках с подвижным и неуловимым врагом.

Общественная жизнь скифов в середине I тысячелетия до н. э. характеризуется постепенным распадом родовых отношений. Правда, скифы кочевали еще отдельными племенами, во главе которых стояли свои племенные вожди, но выделение наиболее сильной группы царских скифов, собиравших дань с остальных племен, являлось уже предвестником создания единой царской власти. Такая власть возникла к середине IV в. до н. э., когда у скифов Северного Причерноморья состоялось первое государственное объединение. Впрочем, это примитивное скифское государство распалось после гибели его основателя - царя Атея, павшего в 90-летнем возрасте в битве против македонского царя Филиппа II, отца Александра Македонского. Более прочным оказалось скифское царство, возникшее в Крыму в конце III в. до н. э. Оно просуществовало несколько столетий и не раз представляло грозную опасность для соседних государств и народов.

Раскопки скифских могил показывают, что уже в VI - IV вв. до н. э. у скифов существовало значительное имущественное неравенство. Рядового скифа обычно хоронили в простой земляной яме, клали с ним в могилу его оружие и ставили один-два горшка с едой и питьем. Иногда в могилу клали убитого коня. И конь, и оружие, и пища - все это нужно было, по тогдашним понятиям, умершему в загробном мире, где он будет вести такую же жизнь, какую вел на земле. Но класть в погребение коня было уж очень невыгодно для родственников умершего, и очень часто захоронение коня заменяется лишь зарытием какой-нибудь части конской туши, оставшейся от погребальной трапезы, или просто положенными в могилу удилами, которые должны символизировать собой заклание и погребение коня. Над могилой насыпали небольшой погребальный холм - курган.

Совсем иначе устраивались погребения скифских племенных вождей и знати. Это были сложные земляные, деревянные или каменные сооружения, над которыми воздвигались огромные курганные насыпи, достигавшие в высоту иногда 20 м, т. е. высоты современного шестиэтажного дома. В богатых скифских гробницах находят множество дорогих золотых и серебряных изделий: сосуды, оружие, украшения, а также бронзовые зеркала, котлы, амфоры и многое другое. Именно скифские царские курганы доставили нам те изумительные шедевры античного художественного ремесла, которые хранятся ныне в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа и являются гордостью не только русской, но и мировой археологии. В некоторых курганах с умершими были погребены десятки и даже сотни убитых лошадей. Ведь то, что не могли позволить себе рядовые скифы, было вполне доступно царям или вождям, обладавшим неисчислимыми табунами коней. Иногда в царских скифских курганах встречаются и скелеты людей, умерщвленных и положенных в могилу вместе с царем. Это либо слуги, либо рабы, которые должны были в загробном мире нести свою службу при царе. Рабство у скифов существовало, но было не очень развито. Рабов получали главным образом путем захвата пленных на войне. В хозяйстве рабы составляли подсобную силу, основой всей хозяйственной жизни оставался все же труд свободных членов племени.

Сарматы

Скифы не были единственными обитателями степей Северного Причерноморья. Здесь жили и другие племена, по своей культуре и уровню социально-экономического развития близкие скифам. На восточном побережье Азовского моря и в бассейне реки Кубани располагались оседлые земледельческие племена меотов. По их имени греки называли Азовское море - Меотидой или Меотийским озером. В горах Крыма ютились сравнительно отсталые племена тавров, которых греческие писатели изображали как суровых и кровожадных дикарей, убивавших всех попадавших к ним чужеземцев. От тавров происходит старинное наименование Крыма - Таврида, Таврика или Таврический полуостров (вспомним, например, название Таврической губерний в царской России, включавшей в себя Крым, или почетное прозвище екатерининского вельможи князя Потемкина-Таврического).

Наиболее многочисленными были родственные скифам племена сарматов, игравшие большую роль в жизни степей Восточной Европы, особенно в первых веках нашей эры. Это были скотоводы-кочевники, обитавшие первоначально в приуральских и нижневолжских степях. С IV в. до н. э. они начали постепенно продвигаться на запад и юго-запад. Ко II в. до н. э. сарматские орды распространили свою власть на все северочерноморские степи и на Северный Кавказ, частично вытеснив, частично подчинив себе скифов и меотов. В области Нижнего Подонья сарматы были господствующей силой в течение всей истории Танаиса. Племена сарматов объединялись в обширные племенные союзы, но своего государства они не создали. По своей культуре и бытовому укладу сарматы близки скифам. Это тоже конные воины, кочевавшие со своими табунами по степным равнинам. В отличие от скифов сарматские воины были тяжеловооруженными, они носили шлемы и панцири; главным их оружием были обоюдоострый длинный меч, которым можно было рубить противника, не слезая с коня, и тяжелое копье. Сокрушительный удар тяжелой конной лавы сарматов был страшен даже для хорошо организованных и закаленных римских легионов.

Прекрасный портрет воина сармата найден был в Танаисе при раскопках Леонтьева. Это небольшая мраморная плита, которая была вделана в какую-то постройку. На плите - греческая надпись, гласящая о том, что эту постройку посвятил (вероятно, какому-то богу) Трифон сын Андромена, и рельефное изображение самого Трифона. Несмотря на греческое имя, это, несомненно, сармат. В довольно грубом, но выразительном рельефе скульптор изобразил Трифона сидящим на небольшом степном коне, скачущем во весь опор. Одетый в пластинчатый панцирь, с шлемом на голове, Трифон сидит на коне в полоборота, держа наготове двумя руками длинное и тяжелое копье. За плечами всадника развевается надетый поверх панциря плащ. Судя по тому, что Трифон изображен в виде воина, и по тому, что рельеф нашли около развалин юго-западной крепостной башни Танаиса, можно думать, что плита эта была вделана в кладку самой башни или примыкающей к ней оборонительной стены и что Трифон принимал участие в строительстве этих крепостных сооружений.

Рельеф Трифона сына Андромена из Танаиса

Греки

В VI - V вв. до н. э. на северном побережье Черного моря возникают поселения греков. Предприимчивые греческие мореплаватели издавна были знакомы с берегами Понта Евксинского, как называлось по-гречески Черное море. Сначала греческие корабли лишь изредка заходили в воды северного побережья. На них приезжали греческие купцы с целью завязать торговые отношения с местным населением, а то и просто пограбить это население, если удастся. Эти полукупцы, полупираты и проложили грекам путь в Крым и в устья больших рек Восточно-Европейской равнины - Днестра, Буга, Днепра, Дона, Кубани. Здесь создаются постоянные торговые станции греков и наконец возникают укрепленные города.

Особенно большое число крупных и мелких городов и городков греки основали на обоих берегах Керченского пролива. В V в. до н. э. эти прежде самостоятельные и независимые города объединились в единое государство, столицей которого стал крупнейший из греческих городов этого района Пантикапей, находившийся на месте теперешней Керчи. Керченский пролив носил у греков наименование Боспора Киммерийского (сравните название современного Босфора, пролива между Черным и Мраморным морями, - в древности он назывался Боспором Фракийским), от этого названия и государство, возникшее на берегах пролива, стало именоваться Боспором или Бос-порским царством. Со временем правители Боспора наложили свою тяжелую руку не только на население всех античных городов этого района, но и на некоторые негреческие причерноморские и приазовские племена, обитавшие на соседних территориях. Таким образом, в состав Боспора вошли весь Керченский полуостров до Феодосии включительно (этот древний город уже тогда был так назван греками), нижнее течение реки Кубани и все Восточное Приазовье.

Греки называли всех негреков варварами. Боспор был полуварварским государством, поскольку он объединял в своем составе и греческие города, и варварские (негреческие) племена. К тому же и правившая на Боспоре династия имела, по-видимому, варварское происхождение. Но для окружающих скифских, меотских и сарматских племен Боспорское государство было центром античной культуры, откуда они могли получать различные изделия греческого ремесла и товары, привозимые из разных стран античного мира.

Как и все государства того времени, Боспорское царство было рабовладельческим, основную производящую силу его составляли бесправные рабы, работавшие в ремесленных мастерских, на строительстве, гребцами во флоте, отчасти и в сельском хозяйстве. Кроме рабов, имелся еще значительный слой полусвободных, полузависимых земледельцев. Трудом этих неизвестных людей создавались богатства Боспора, которые обогащали господствующую династию и рабовладельческую верхушку страны: греческих купцов, крупных землевладельцев и тесно связанную с ними аристократию варварских племен, извлекавшую доходы из эксплуатации своих же соплеменников и из торговых операций.

Основу экономической жизни Боспорского царства составляли развитое сельское хозяйство и ремесло, а также рыболовство. Эти отрасли хозяйства не только доставляли продукты и изделия, необходимые для самих боспорцев, но и обеспечивали широкие возможности для внешней торговли. Боспорские и иноземные корабли отчаливали из Пантикапея, Феодосии и из других боспорских гаваней тяжело нагруженные зерном, скотом, кожей, соленой рыбой и другими товарами, в которых остро нуждались греческие города Балканского полуострова и Малой Азии. В обмен из бассейна Эгейского моря везли в Северное Причерноморье вино, оливковое масло, металлические изделия, керамику, ткани и пр. Расцвет Боспорского царства падает на IV в. до н. э., когда оно было важнейшим поставщиком хлеба и других продуктов для всего античного мира.

Далеко не все товары, которые привозили на Боспор греческие купцы из Афин, Милета, Коринфа, Фасоса и других греческих городов, предназначались для самих боспорцев. Многие

из них переправлялись через боспорские города дальше, к степным племенам Причерноморья и Приазовья. Аристократия этих племен была заинтересована в развитии торговли с греками, благодаря которой она могла приобретать вино, предметы роскоши, украшения и сбывать скот, хлеб и другие продукты, получаемые в виде дани с рядовых соплеменников, а также рабов, захваченных в результате межплеменных столкновений.

Торговлю с внутренними районами страны грекам удобнее всего было вести по рекам. Этим и объясняется тот факт, что в устье всех крупных рек, впадающих в Черное и Азовское моря, возникли значительные греческие города. Стремясь расширить торговлю с приазовскими племенами и закрепить за собой удобный водный торговый путь по реке Дону, боспорские греки и основали при его устье город, получивший то же название, что и река,- Танаис - и ставший крайним северо-восточным форпостом Боспора и всего античного мира.

ДОПОЛЕМОНОВСКИЙ ТАНАИС

На улицах и в домах древнего города

Об основании Танаиса боспорскими греками упоминает Страбон. Но греческий географ не говорит о том, когда это произошло. Из того факта, также отмеченного Страбоном, что Танаис был разрушен боспорским царем Полемоном (правившим в конце I в. до н. э.), а до этого служил важным торговым центром, явствует только, что город возник задолго до Полемона. Но когда именно? Только археологические материалы могут ответить на этот вопрос.

Мы уже знаем, что Леонтьев не нашел в недвиговских древностях ничего, относящегося, на его взгляд, к дополемоновским временам, и предполагал, что после разрушения Полемоном Танаис был перенесен в другое место. И хотя позднее ошибка Леонтьева обнаружилась и стало ясно, что на Недвиговском городище встречается много находок, относящихся к III-I вв. до н. э., представление о существовании двух городов, носивших имя Танаис, было столь прочным, что исследователи продолжали считать такое перенесение возможным если не в послеполемоновское время, то в более раннюю эпоху, объясняя его то изменением русла Дона, то другими причинами.

Только работы Нижне-Донской экспедиции положили конец этой путанице с мнимыми двумя Танаисами, открыв на Недвиговском городище не только множество вещей III - I вв. до н. э., но и целый городской район этого времени, расположенный в западной части городища. Посмотрим теперь, как выглядел город в первые века, своего существования.

Узкие переулочки, или, лучше сказать, проходы, не превышающие 1-2 м ширины, стиснуты с обеих сторон стенами домов. По такому переулку, вымощенному камнем, можно было пройти пешком, прижимаясь к стенке, если навстречу попадался другой прохожий, можно было прогнать осла, нагруженного корзиной или мешком, но конечно здесь не могла проехать никакая повозка. Нашему современнику, привыкшему к широким проспектам и бульварам, к свободной планировке городов и деревень, такая скученность может показаться непонятной. А между тем она легко объяснима. Ведь все непрерывно увеличивающееся население городка нужно было втиснуть в пространство, ограниченное оборонительными стенами; расти вширь город не мог, приходилось всячески экономить место. То же явление наблюдается и гораздо позже в средневековых городах Европы и Востока: вспомним хотя бы узкие улочки, мало отличающиеся по ширине от танаисских, в средневековых кварталах старинных городов; их можно найти и в Таллине, и в Праге, и в Пловдиве, и в Баку, и во многих других местах.

Тесная застройка характерна для Танаиса, как и для других древних городов

Глухие каменные стены тянулись вдоль этих проулков, только изредка в такой стене открывалась дверь, ведущая во внутренний дворик дома: обычно в античных городах жилые и хозяйственные помещения каждого домовладения группировались вокруг такого дворика и не имели ни окон, ни дверей, выходящих на улицу. Дворики были вымощены плоскими камнями, среди которых можно иногда заметить узкую прикрытую каменной плитой горловину глубокого колодца или цистерны для собирания дождевой воды. Стенки колодцев и цистерн тоже выложены камнем, а на дне их обычно попадаются обломки амфор или кувшинов. Вероятно, от времени до времени какая-нибудь небрежная хозяйка или нерадивая рабыня, черпая воду из колодца, разбивала глиняный кувшин о камни или роняла на дно небольшую амфору; такие мелкие домашние неприятности, случившиеся более 2000 лет назад, позволяют нам теперь по обломкам разбитых сосудов определить, когда пользовались древним колодцем или цистерной. Во двориках также выкапывали цилиндрической или грушевидной формы ямы для хранения зерна.

Дома в Танаисе строились из камня, благо его под руками было много: около города находились естественные выходы известняка, да и значительная часть самого Танаиса стояла на известняковой скале. Известняк - камень сравнительно мягкий, он легко поддается обработке, но в Танаисе не считали нужным его обтесывать: выломанные из скалы камни неправильных очертаний без обработки укладывали в стены построек, скрепляя их жидкой глиной или грязью. Строителей при этом не смущали ни кривизна стен, ни относительная непрочность таких построек. Конечно, такие стены не могли выдержать тяжести второго этажа или черепичной крыши, да в этом и не было надобности: дома в городе были, по-видимому, сплошь одноэтажные и покрывались соломой или камышом, в изобилии произраставшем в плавнях донской дельты. Обломки черепицы, самого обычного и распространенного в античном мире кровельного материала, в огромном числе находимые при раскопках греческих городов, в Танаисе встречаются очень редко. Вероятно, черепицей были покрыты только немногие, наиболее богатые дома или общественные здания.

Помещения каждого танаисского дома группировались вокруг мощного дворика

Сложенные кое-как из необработанного камня, танаисские дома не могли быть долговечными. Раскопки западного района города показали, что примерно за 250 лет, пока

существовал этот район, он перестраивался много раз, старые постройки разрушались и разбирались на камень, на их месте строились новые. От наиболее древних, относящихся еще к III в. до н. э. домов, уцелели только фундаменты, на которых были воздвигнуты новые здания. Эти здания в свою очередь приходили в ветхость и заменялись новыми. Относительно хорошо сохранились до нашего времени только постройки последнего периода, погибшие в конце I в. до н. э. Они, конечно, тоже разрушены, но все же стены их достигают иногда и теперь еще высоты 1,5-2 м.

Непритязательные небольшие домики танаитов не были украшены ни снаружи, ни изнутри. При раскопках их не встречаются обломки архитектурных украшений или куски великолепной античной штукатурки, обычные для раскопок богатых греческих городов.

Изнутри стены танаисских домов покрывались просто глиняной обмазкой. Глинобитными были и полы в комнатах; они многократно подмазывались заново, как это делается с глиняными полами и теперь, и в результате общая толщина пола в некоторых домах превышает 0,5 м. В холодное время года эти жилища отапливались при помощи очагов или примитивных печей, сложенных из камня или глинобитных. Дым из очага наполнял комнату, стлался под потолком и уходил через дверь или через специальное небольшое отверстие в стене.

Остатки ранней городской оборонительной стены

Легко себе представить, как часто от таких очагов происходили пожары и как губительны они были для тесно сбившихся в кучу домиков, крытых камышом и соломой. Вероятно, пожары являлись одной из главных причин частых перестроек и перепланировок древних зданий.

Гораздо тщательнее и капитальнее, чем жилые и хозяйственные постройки, были сложены оборонительные стены. Если жители города могли мириться со многими неудобствами жизни в своих примитивных домах или просто не замечать этих неудобств, то оставаться незащищенными перед лицом враждебных кочевых соседей было невозможно. Уже в III в. до н. э. были построены первые оборонительные стены вокруг города. В их основание строители поместили большие каменные глыбы, сами же стены были сложены из необработанных камней на глиняном растворе. Только в углы стен и башен были положены правильно отесанные прямоугольные блоки. Но камни для оборонительных стен выбирались тщательней и укладывались аккуратней, чем в других постройках. Толщина стен достигала 3 м, какова была их высота, мы не знаем, так как от стен сохранились только нижние ряды кладки, большую же часть их разобрали на камень еще в древности. Во всяком случае, при такой толщине их высота должна была составлять не менее 5 м, что могло обеспечить укрывшихся за ними жителей от внезапного налета степняков-кочевников, которые вряд ли были знакомы с осадной тактикой и для которых и такие стены служили значительным препятствием. От более упорного и опытного врага такие укрепления, конечно, спасти не могли. И это обнаружилось, когда против Танаиса выступил во всеоружии греческого военного искусства боспорский царь Полемон.

Торжище эллинов и варваров

При раскопках любого античного города - и Танаис в этом отношении не является исключением - подавляющее большинство находок составляют обломки керамики: глиняной посуды и различных изделий из обожженной глины. В древности глина использовалась для производства посуды гораздо шире, чем в наши дни. Из глины выделывали не только всю кухонную и столовую посуду (бронзовые, золотые или серебряные сосуды были очень дороги, составляли предмет роскоши и в обычной, повседневной жизни не употреблялись), не только разнообразные сосудики туалетного назначения, флаконы, баночки, коробочки, очень распространенные в античном мире, но и тару для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов. Из глины выделывались также черепица, многие архитектурные украшения и небольшие статуэтки. Впрочем, эти изделия в Танаисе большого распространения не получили.

Все, вероятно, слышали рассказ о том, что древнегреческий философ Диоген жил в бочке. Но не все знают, что у греков не было бочек, таких, как мы себе представляем их, т. е. сделанных из деревянных дощечек. Бочки им заменяли огромные, более человеческого роста, пузатые, кругло-донные глиняные сосуды - пифосы, которые обычно вкапывались в землю где-нибудь в углу двора или кладовой. В пифосах хранили запасы воды, зерна или других продуктов. В такой глиняной бочке вполне мог поместиться и Диоген. Именно в такую бочку залез в страхе микенский Царь Евристей, заставивший Геракла совершить его 12 подвигов, когда герой привел из подземного царства ужасного трехголового пса Цербера.

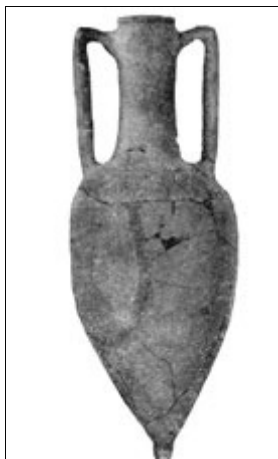

Грубые, примитивно вылепленные горшки производились для домашнего употребления в каждом хозяйстве

Но наиболее распространенным видом глиняной тары были амфоры. Для амфоры обязательно округлое туловище, острое донышко, сравнительно узкое горло, и две вертикальные ручки по сторонам от него. При наличии этих общих признаков амфоры, изготовленные в разных центрах и в разное время, значительно отличались друг от друга и деталями формы, и качеством глины, и отделкой поверхности. Опытный археолог в большинстве случаев легко может определить, даже по незначительному обломку, где изготовлена амфора и откуда она привезена.

В Танаис в III-I вв. до н. э. ввозились главным образом амфоры с острова Родос, который был в то время крупнейшим торговым мировым центром. На ручках родосских амфор имеются специальные штампы с именем владельца мастерской, в которой изготовлена амфора, и с указанием времени ее изготовления. Множество таких ручек со штампами найдено в Танаисе, встречены там и целые родосские амфоры.

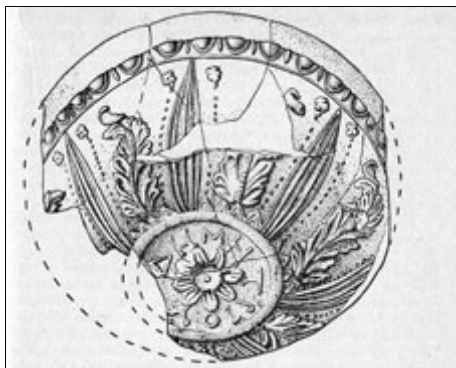
В Танаис в III-I вв. до н. э. амфоры ввозились главным образом с острова Родос

В родосских амфорах в Танаис ввозили вино и оливковое масло, Оба эти продукта потреблялись греками в очень большом количестве. Вино было основным питьем греков, которые обязательно разбавляли его водой: пить неразбавленное вино считалось признаком варварства. Обитатели Северного Причерноморья до греков вина не знали, но после знакомства с греками научились его пить и скоро превзошли своих учителей. У греков даже появилось выражение «пить по-скифски», т. е. неумеренно пить неразбавленное вино. Вспомним прекрасные стихи А. С. Пушкина, написанные в подражание древнегреческим поэтам:

Что же сухо в чаше дно?
Наливай, мой мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой:
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно,
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Но ни скифы, ни другие варварские племена сами винограда не возделывали и вина не производили. Они получали его от греков в амфорах.

Оливковое масло в древности помимо употребления в пищу использовалось еще в осветительных приборах - оно наливалось в глиняные или бронзовые открытые светильники, в которых горел фитилек. Кроме того, греки натирали оливковым маслом тело во время спортивных занятия, а затем счищали его вместе с потом и пылью; таким образом масло заменяло им мыло, которого древние греки не знали. После того как товары, привезенные в амфорах, были исчерпаны, амфоры эти использовались в хозяйстве для хранения продуктов или для других целей. Так, родосская амфора с отбитым боком была найдена в Танаисе в маленьком хозяйственном помещении, вероятно свином хлеву, лежащей на боку и наполненной остатками мелкой рыбы. Она, по-видимому, была употреблена в качестве корыта для приготовления корма свиньям.

На донце этой рельефной чаши стоит имя владельца гончарной мастерской Деметрия

Товары в амфорах привозились не только с Родоса, но и из других городов. По характерному составу глины легко отличить обломки амфор из города Синопы, лежавшего на южном берегу Черного моря. В синопских амфорах, вероятно, ввозили главным образом оливковое масло. А в своеобразных по форме амфорах с острова Кос в Эгейском море везли плохонькое вино, которое в силу своей дешевизны было доступно и самым бедным жителям.

Почти так же часто, как обломки амфор, встречаются в Танаисе черепки так называемых лепных сосудов, т. е. сосудов, вылепленных от руки, без применения гончарного круга. Такие лепные горшки, чашки, миски, очень грубые, кривые, с шершавой поверхностью, вероятно, выделялись в каждом хозяйстве для собственных нужд, а не приобретались у ремесленников-горшечников, которые формовали посуду на гончарном круге. Лепная керамика обжигалась не в специальных печах, а в обычных очагах и вследствие недостаточного обжига была непрочна и имела черный цвет. Конечно, эта примитивная и некрасивая посуда употреблялась только на кухне и для разных хозяйственных надобностей. К столу подавали хорошую посуду ремесленного производства, нередко привозную - изделия мастерских Греции и Малой Азии.

К числу привозных изделий принадлежат так называемые мегарские чашки - сосуды для питья, имеющие форму полушария. Вся наружная поверхность их украшена рельефным орнаментом, обычно с изображением растений, но иногда на рельефах - бытовые или мифологические сценки. Эти украшения выдавливались внутри особых форм, в которых затем оттискивали чашки. Мегарские чашки изготовлялись во многих городах античного мира, но большинство найденных в Танаисе обломков принадлежит изделиям Боспора и острова Делос в Эгейском море. Еще интереснее две большие красивые чашки, украшенные росписью с внутренней стороны. По мере того как гость выпивал из такой чаши вино, открывалась роспись ее внутренних стенок, когда же он совсем опорожнил чашу, на дне ее появлялась скульптурная головка. В одной чаше - это головка амура, в другой - какого-то божества. Обе чаши найдены в развалинах дома II в. до н. э.

Эти и многие другие находки заморских привозных изделий ясно говорят нам о том, что Танаис уже в первые столетия своего существования был значительным торговым центром, куда боспорские и иноземные купцы привозили товары из разных городов Причерноморья и Средиземноморья. Об этом же говорит, как мы знаем, и Страбон. Он сообщает, что Танаис был крупнейшим после Пантикапея, столицы Боспорского царства, центром, где происходила торговля между варварами-кочевниками и греками, приплывавшими сюда по Меотиде. Страбон перечисляет даже некоторые виды товаров, служивших объектом обмена между варварами и греками: «...первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а вторые привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» (*Strabo, XI, 2*).

Разгром Танаиса царем Полемоном

Благодаря оживленной торговле между греками и варварами Танаис процветал и развивался, пока в какой-то момент его не постигло несчастье: войска боспорского царя Полемона обрушились на город. Об этом трагическом для Танаиса событии бесстрастно и очень коротко упоминает Страбон: «Недавно его разгромил царь Полемон за неповиновение» (*Там же, 3*). Чем было вызвано неповиновение Танаиса и в чем оно выразилось, мы не знаем. Может быть, танаисцы вообще не желали признавать над собой власти Боспора, а может быть, они не хотели признать царем Полемона, кто знает?

Полемон царствовал на Боспоре между 14 и 8 гг. до н. э. Насильно посаженный на боспорский трон римлянами, он сразу встретил здесь сильнейшую оппозицию и почти все свое царствование провел в борьбе против собственных подданных. В этой борьбе он в конце концов и погиб. Весьма вероятно, что неповиновение, оказанное Полемону жителями Танаиса, было лишь одним из проявлений вражды местного населения к нему. Как бы то ни было, поведение танаитов навлекло на них гнев боспорского правителя и вызвало карательный поход Полемона против Танаиса.

Боспорский царь Полемон. Изображение на монете

Краткость и неясность сообщения Страбона допускали разные толкования. Слова греческого географа можно было понять таким образом, что Полемон совершенно разрушил Танаис. Так и думало большинство ученых, предполагая даже, как мы знаем, возможность перенесения города на другое место после разгрома его боспорским царем. Полное разрушение вражеского города с уничтожением всех его граждан было вполне в традициях войн того времени. Вспомним хотя бы о судьбе Карфагена, до основания разрушенного римлянами.

Противники этого взгляда возражали: с какой стати Полемон стал бы разрушать один из городов своего собственного царства, хотя бы и непокорный? Да еще такой важный торговый центр, как Танаис? Это означало бы ослабление позиций Боспора в Приазовье и было бы невыгодно прежде всего самому боспорскому царю. Ведь можно было и другим путем наказать жителей города. Именно такими соображениями руководствовался крупный советский историк академик Сергей Александрович Жебелев, когда предположил, что Полемон вообще не разрушал Танаиса и что у Страбона речь идет не об уничтожении, а лишь об ограблении мятежного города. Действительно, употребленный Страбоном в спорном месте греческий глагол допускает двойное понимание - и «разрушить», и «разграбить». Очевидно, сообщение Страбона само по себе было недостаточно для решения вопроса, нужны были дополнительные материалы, и такие материалы могли дать только археологические раскопки.

И археология сказала свое слово. Описанный западный район города, существовавший в III-I вв. до н. э., был разрушен, как выяснилось при раскопках, в конце I в. до н. э. Развалины многих домов носят на себе следы пожара, в котором погибли здания. Весь район города сгорел и после этого восстановлен уже не был. В первых веках н. э. тут были лишь отдельные постройки, в основном же весь этот район превратился в место загородных мусорных свалок.

Конечно, опустошительные пожары случались в городе нередко, но то обстоятельство, что запустение этого района города совпадает по времени с походом Полемона против Танаиса, а также то, что целый район не был после пожара восстановлен, заставляет думать, что разрушение этой части города связано с карательными действиями боспорского царя» Такое предположение тем более вероятно, что в это же время была разрушена и оборонительная стена западной части Танаиса. Она не только подверглась разрушению во время взятия города или пожара, но была затем разобрана на камень для новых построек, так что от нее уцелели только нижние ряды камня. В одном месте стена уничтожена полностью, и здесь из ее же камней было построено какое-то здание, относящееся, судя по найденным в нем предметам, к I в. н. э. Таким образом, ясно, что эта крепостная стена прекратила свое существование тоже около рубежа нашей эры, т. е. во времена Полемона.

Еще показательнее картина, открытая раскопками в другой части городища. Здесь тоже существовала оборонительная стена, построенная, по-видимому, во II в. до н. э. В конце I в. до н. э. она была разобрана так, что сохранилась только ее нижняя часть на высоту не более 2,7 м. Именно эту нижнюю часть стены и удалось открыть при раскопках. Можно думать, что разрушение этой крепостной стены было следствием тех же событий, которые вызвали запустение западной части города.

В I в. н. э. около городской стены был построен жилой дом. Вокруг небольшого дворика, тщательно вымощенного каменными плитами, располагались четыре помещения, двери которых выходили в этот дворик. Два из них были комнатами и предназначались для жилья: они имели глинобитные полы, стены их были изнутри обмазаны глиной. Обе комнаты отапливались: в них находились глинобитные очаги, обложенные камнями. В углу одной из комнат на полу исследователи нашли несколько каменных плоских с отверстиями грузил, которые рыбаки прикрепляли к сетям. Владелец дома, видимо, занимался рыбной ловлей и хранил в доме орудия своего промысла. Третье помещение этого дома, очень плохо сохранившееся, было вымощено камнем; скорее всего оно предназначалось для содержания домашнего скота. Четвертое помещение служило сараем или складом, под ним находился подвал глубиной около 2 м. Стены подвала были частично вырублены в скале, на которой стоит Танаис, частично сложены из камней. В одной из стен подвала находилась маленькая ниша, сделанная, вероятно, для того, чтобы хозяин дома, спускаясь в темный подвал по деревянной лесенке, мог поставить в нее глиняный светильник. Подвал использовался несомненно для хранения различных запасов.

Дом I в. н. э., построенный перед разрушенной городской оборонительной стеной

Описанный дом был построен так, что он почти примыкал к остаткам оборонительной стены с наружной стороны. Совершенно ясно, что, когда строился и существовал этот дом, в I в. н. э., оборонительная стена не могла выполнять своих прямых функций. В противном случае домовладельцу не позволили бы возводить перед крепостной стеной постройку, которая могла бы служить врагам прикрытием при штурме. Да никто и не стал бы строиться с внешней стороны стены, если бы можно было укрыться от опасности за городскими укреплениями. Все говорит о том, что в I в. н. э., в течение какого-то времени,

последовавшего за походом Полемона, Танаис был лишен укреплений.

Таким образом, данные раскопок подтверждают свидетельство Страбона о разрушении Танаиса Полемоном. В момент штурма города или после его взятия был уничтожен целый район в западной части Танаиса, в основном же разрушению подверглись оборонительные стены. Вероятно, этой мерой боспорский царь стремился предотвратить самую возможность возникновения новых попыток возмущения со стороны непокорного города. Но разрушение Танаиса отнюдь не было таким полным, как это представлялось многим исследователям. И после Полемона город продолжает существовать и развиваться. Открытие раскопками домов I в. н. э., находки привозных дорожных изделий из бронзы и керамики того же времени, сравнительное богатство танаисских погребений начала нашей эры показывают, что Танаис вовсе не переживал значительного упадка после карательного похода Полемона или что этот упадок был очень непродолжительным.

Так археологические материалы дополняют и уточняют сведения, сообщаемые древним писателем. Это хороший пример использования данных археологии для решения вопросов древней истории, для проверки тех гипотез и построений, которые могут быть сделаны на основании письменных источников.

ФОРПОСТ АНТИЧНОГО МИРА

Надпись на мраморе

Мастер очень спешил. Следовало уже устанавливать на место надпись, над которой он трудился, а последняя строка все еще не была высечена на жестком мраморе. Июльское солнце палило согнутую спину мастера, нагревало железные инструменты в его руках, мраморную плиту; от блеска мраморной крошки болели глаза, в ушах стоял шум от криков работающих вокруг людей, от гроыхания камней, укладываемых в оборонительную стену.

Наконец последние буквы были закончены, мастер смог разогнуться и отереть тыльной стороной руки пот со лба. Перед ним лежала совершенно готовая плита с ровными строчками врезанных греческих букв. «Агатэ тюхэ» - С добрым счастьем! - возвещала первая строка. В центре плиты, оттененный красной краской, ярко выделялся на белом мраморе глубоко вырезанный знак царя Ининфимея, вот уже четвертый год благополучно правившего на Боспоре. Знатный заказчик, богатый танаит Деметрий может быть доволен, его заказ выполнен на славу: надпись ясно и точно говорит, что именно его стараниями и на его счет восстановлена обветшавшая оборонительная башня. Сейчас каменщики вделают эту плиту в кладку реставрируемой башни, и современники и потомки всегда смогут прочесть, что 1-го числа месяца Панема 533 года боспорской эры в царствование царя царей благочестивого Тиберия Юлия Ининфимея восстановлена эта башня заботами и на средства Деметрия сына Аполлония. Упомянуто в надписи и имя римского архитектора Аврелия Антонина, который руководил реставрационными работами, не забыто и имя наместника - пресбевта боспорского царя в Танаисе. И только имен мастера, изготовившего плиту, и рабочих, таскавших и укладывавших камни башни, нельзя будет узнать из надписи. Но кого смогут заинтересовать имена бедняков и рабов, которые день за днем в жару и в холод под ударами надсмотрщиков ломают камень, подвозят и подносят его к строящимся стенам, возводят башни, копают рвы вокруг Танаиса?

В таком виде дошла до нас надпись Деметрия сына Аполлона

Несколько полуголых рабов подняли только что законченную плиту и понесли ее к башне. Мастер осмотрелся вокруг. Везде шло оживленное строительство городских укреплений. Уже на многие метры поднимались отвесно вверх городские стены, сложенные из больших грубо оббитых каменных глыб. А из находившихся неподалеку каменоломен продолжали подтаскивать новые и новые куски известняка для строительства. Особенно большие глыбы, предназначавшиеся для фундаментов новых башен, передвигали десятки рабов, подкладывая под них деревянные катки. В амфорах, навьюченных на лошадей, непрерывно подвозили воду для замешивания глиняного раствора, скрепляющего камни. Прямо перед мастером заканчивали возведение новой огромной четырехугольной башни, на 15 локтей выступающей за линию стен и обрывающейся почти отвесно в глубокий вырытый в земле и высеченный в скале оборонительный ров. Хотя толщина крепостной стены на этом участке достигала трех шагов, этого казалось теперь мало, и вплотную к стене с наружной ее стороны пристраивался новый каменный панцирь, который должен был довести общую толщину оборонительной линии до пяти шагов. Даже если будущим врагам удастся подтащить к стенам мощные тараны и другие стенобитные машины, нелегко им будет проломить укрепления такой мощности.

Впрочем, существуют и другие способы укрепления оборонительных стен. На некоторых участках, например в северо-восточном углу города, строители не ограничились возведением каменной стены из огромных глыб известняка. Они усилили ее с внутренней стороны плотно утрамбованной насыпью из глины, мелких камней и черепков разбитых сосудов. Эти укрепления были построены очень давно, еще до рождения мастера, и до сих пор они надежно охраняют город от нападений врагов. Строительные работы велись и позднее. По вставленным тут и там в оборонительные стены и башни мраморным и известняковым плитам с надписями мастер может, как по книге, прочитать историю строительства городских укреплений.

Вот над узкой и низенькой вылазной калиткой рядом с башней видна небольшая плита с вытесанным на ней замысловатым рельефным знаком, похожим на паука. Надписи нет, но мастер и без надписи знает, что это знак боспорского царя Римиталка, царствовавшего 100 лет тому назад. Видно, по его приказанию был отстроен этот участок оборонительной стены с вылазной калиткой. А вот другая плита, с которой смотрит похожий, но все же отличающийся знак - знак царя Евпатора, преемника Римиталка. Надпись под знаком гласит о том, что испорченную временем городскую стену восстановил при царе Евпаторе какой-то Трифон. Может быть, это тот Трифон сын Андромена, который изображен скачущим на коне на другой плите, вделанной в юго-западную угловую башню? Следующая плита очень хорошо знакома старому мастеру - он сам резал надпись несколько лет тому назад, еще при прежнем царе Нотисе, когда богатый горожанин Мений сын Харитона, много раз выполнявший различные административные должности в городском магистрате, провел ремонт главных городских ворот в южной крепостной стене, ведущих к реке и порту. Тогда были не только

отремонтированы ворота, но и заново отстроены две башни, защищающие эти ворота с флангов. Теперь же каждый въезжающий в Танаис может видеть над воротами эту надпись, увековечивающую патриотическую заботу Мения о родном городе.

Эта плита со знаком царя Римиталка была вделана в оборонительную стену

Так разворачивается перед глазами мастера история восстановления и строительства городских стен Танаиса, восстановления, начатого 150 лет тому назад - после разрушения города Полемоном. Об этом разрушении мастер слышал в детстве полулегендарные рассказы - ведь оно произошло почти за 200 лет до его рождения, и оборонительные стены были давно уже восстановлены, когда он родился. Но и на его памяти город все время продолжал совершенствоваться и укреплять свою оборону, строить новые стены и башни, ремонтировать обветшалые постройки. Вот и в этом году опять предприняты большие строительные работы на городских укреплениях. И правильно, думает мастер, уж очень беспокойно стало в окружающих степях, несколько раз под самыми городскими стенами были замечены конные разъезды каких-то неизвестных кочевников. Того и гляди, варвары, недавно появившиеся в меотийских степях, попытаются напасть на город. Но городские укрепления должны служить надежной защитой жителям. Недаром теперь уже весь город обнесен четырехугольником мощных каменных стен, вокруг которых зияют глубокие рвы. Через каждые несколько десятков шагов над стеной возвышаются выдвинутые вперед массивные четырехугольные башни, с которых защитники города легко могут обстреливать подступающих к стенам врагов. Крепостные ворота в южной и северной оборонительных стенах с двух сторон также охраняются каменными башнями. Кажется, все сделано для того, чтобы не только обезопасить город от внезапного набега, но и выдержать, если будет нужно, упорную осаду.

Теперь от мощных танаисских башен остались только развалины

Дом торгового посредника

Строительные надписи и развалины оборонительных стен рассказали нам о том, как готовился Танаис в первые века н. э. к отражению возможного нападения неприятеля. А как

шла в это время жизнь в городе, каков был повседневный быт горожан? Об этом мы можем узнать только из раскопок жилых кварталов Танаиса.

В юго-западном углу городища, недалеко от того места, где в 533 г. по боспорскому летосчислению, т. е. в 236 г. н. э., трудился над памятной плитой неизвестный нам танаисский мастер - резчик по мрамору, спустя 1720 лет археологи заложили один из своих раскопов. Из-под лопаты и ножа археолога один за другим появляются на свет свидетели древней жизни. Открываются помещения разрушенного когда-то дома, и вот уже все домовладение лежит перед нами в развалинах.

В центре дома, как обычно, помещается вымощенный каменными плитами двор, во дворе - глубокий колодец, стенки которого частично выложены камнем, а частично вырублены в материковой скале. Колодец этот дна не имеет: внизу он переходит в глубокую трещину в скале, по которой когда-то поднималась в колодец вода. В одном из углов двора вдоль стены были вкопаны в землю рядом три большие амфоры. В них мог храниться запас воды, а могло быть и зерно или другие припасы. Несколько помещений выходило во дворик. Одно из них примыкало к оборонительной стене с внутренней стороны. Это, вероятно, было хозяйственное помещение, в котором могли что-нибудь хранить. Но к моменту гибели дома оно, видимо, было почти пустым: очень немного находок удалось сделать при раскопках этого помещения и глубокого подвала, находившегося под ним. Для устройства подвала древние использовали большую трещину в скале, на которой была построена эта часть дома. Только борта трещины были слегка подтесаны и неровности заложены кое-где каменными стенками. В одной из стенок подвала строители выложили большую и глубокую нишу, в которой при раскопках были найдены две спрятанные туда амфоры.

Для устройства одного из подвалов была использована трещина в скале

С другой стороны двора находилось второе помещение, очень большое, но, к сожалению, совершенно разрушенное. Зато подвал под этим помещением оказался целым. В подвал со стороны двора вел вход с тремя хорошо сохранившимися каменными ступенями. Целые кучи амфорных черепков выросли на борту раскопа, когда расчищали этот подвал... «Сколько же их там понатыкано, этих амфор», - ворчали рабочие, которым приходилось не столько копать грунт, сколько выбирать амфорные обломки. И действительно, сколько же амфор могло храниться в этом подвале? Целыми дошли до нас лишь несколько сосудов, все остальные были разбиты и раздавлены упавшими в подвал камнями от рухнувших стен. Поэтому совершенно точно указать число имевшихся амфор невозможно. Но подсчет обломков амфорных горлышек, ручек и ножек показал, что в подвале хранилось не менее 370 одинаковых узкогорлых амфор из светлой глины, самых распространенных в Танаисе в III в. н. э. Кроме того, там же было более 40 амфор других типов. Можно было бы подумать, что запасливый владелец дома хранил в этом подвале необходимые в хозяйстве припасы. Но гораздо более вероятно другое предположение. Дело в том, что на многих найденных здесь амфорных черепках оказались следы каких-то знаков или букв, написанных красной краской. Кропотливая подборка черепков, сопоставление этих знаков, их чтение, позволили не только установить, что надписи краской существовали на горлышках или плечиках всех хранившихся в подвале амфор, но и понять смысл некоторых надписей.

На многих амфорах оказались цифры. В древней Греции, как и в старину у нас на Руси,

цифры обозначались буквами. Каждая буква греческого алфавита соответствовала определенному числу единиц, десятков или сотен: альфа (Α) - 1, бэта (Β) - 2, гамма (Γ) - 3, йота (Ι) - 10, каппа (Κ) - 20 и т. д. Таким образом Κ обозначало 24, ΧΜΟ или ΟΜΧ - 649 и т. д. Конечно, если на амфоре стоит буква Χ, то нельзя утверждать с уверенностью, что она обозначает 600: это может быть и сокращение какого-то слова, начинающегося на эту букву, и просто крестик, поставленный для того, чтобы отметить одну из амфор. Но когда на обломке одной амфоры мы находим обозначение ΝΒ, на фрагменте другой - ΝΓ, на горле третьей - Ν и т. д., тут уже не может быть сомнения: перед нами цифры 52, 53, 54 и пр. Оказалось, что значительная часть амфор в подвале была перенумерована.

Сотни амфор находились в подвале

Но на многих амфорах, кроме цифр, были написаны еще и сокращенные имена - ΑΙΕ, ΝΑ, ΣΑΜ. С букв ΑΙΕ начинаются многие греческие имена - Александр, Алексас, Алексион и др. Как звучало имя, написанное на амфорах, мы не знаем; допустим, что это был Александр. Этим именем помечено несколько десятков амфор, при этом все надписи с именем Александра выполнены совершенно одинаково, одной рукой, и, несомненно, в одно время - небольшие аккуратные буквы легко узнаются по манере исполнения даже тогда, когда на черепке уцелела только одна из них. Совсем иначе выглядят буквы другой часто встречающейся надписи - ΣΑΜ, они начертаны размашисто, грубыми толстыми линиями. Имя, начинающееся с этих букв, мы знаем; один раз оно оказалось написанным полностью - это Самбион. Надписи с именем ΝΑ (может быть, Науак) выполнены очень изящным, даже изысканным почерком с завитушками и украшениями.

Надписи и рисунки на амфорах говорят об их содержимом и называют имена владельцев амфор

Таким образом, в раскопанном нами подвале оказалось несколько сот амфор, подписанных тремя разными лицами, причем разница в почерке свидетельствует о том, что каждый из трех

обладателей этих имен сам надписал свои амфоры, перед тем как поместить их в подвал. Можно предположить, что подвал этот принадлежал оптовому торговцу или торговому посреднику, который хранил, перевозил или продавал товары, принадлежащие не только ему самому, но и другим лицам. А чтобы не перепутать совершенно одинаковые сосуды, он требовал от своих клиентов маркировать и нумеровать принадлежащие им амфоры.

Что же хранилось в этих сотнях амфор? Надписей, определяющих содержимое, на этих амфорах нет, хотя вообще такие надписи иногда встречаются. Так, в Танаисе на другом участке были найдены обломки большой амфоры с буквами АЛФ - началом греческого слова алфита, т. е. ячмень. Зато на некоторых амфорах из подвала были обнаружены очень любопытные рисунки. На амфорах с надписью ΝΑ рядом с буквами той же красной краской была нарисована виноградная гроздь. Совершенно ясно, что рисунок этот должен был указывать на содержимое амфоры и что в этих сосудах хранился либо виноград, либо виноградное вино. На амфорах Самбиона рядом с надписью имелось схематическое изображение Деревя с приподнятыми вверх ветвями. В этом рисунке нетрудно угадать изображение оливкового дерева. Значит в амфорах хранились консервированные маслины или оливковое масло.

Так, изучение полустершихся надписей и знаков на черепках амфор позволяет нам понять значение найденных в подвале обломков. И нас уже не удивляет находка здесь же прямоугольной свинцовой гири. Где же и быть ей, если не в доме торговца.

Находка свинцовой гири в подвале дома торговца вполне понятна

Еще интереснее оказались результаты исследования другого помещения на том же участке. Это наземное помещение, как и все другие постройки III в. н. э., было разрушено пожаром. Но, уничтожив одно, огонь сохранил нам другое. Ведь дерево, зерно и другие растительные вещества в почве обычно почти не сохраняются - они быстро сгнивают, и археологи в лучшем случае могут заметить только древесный тлен. Но сгоревшее, превратившееся в угольки зерно, обуглившийся деревянный предмет, даже сгоревшая веревка, ткань, циновка сохраняют свою форму и, если их не ворошить, могут пролежать в земле века и тысячелетия, донести до нас из глубины столетий остатки исчезнувшей жизни.

На глинобитном полу сгоревшего помещения лежали обуглившиеся балки перекрытия и перегоревший камыш, которым была покрыта крыша. Само помещение служило и амбаром, и хлебопекарней: здесь производились хранение и размол зерна, выпечка хлеба. Вдоль одной из стен стояли рядком восемь амфор с зерном. Это были не те небольшие амфоры, в которых хранилось вино и оливковое масло в соседнем подвале, а большие пузатые сосуды по 50-70 л каждый. К моменту гибели всего дома запасы зерна в амфорах уже истощились, только на самом доннышке их оказалось немного обгорелого зерна. Хозяину дома пришлось где-то купить их и занять зерна, он не успел еще пересыпать его в амфоры, и это зерно стояло в двух больших овальных корзинах посреди помещения. Одна из корзин была заполнена пшеницей, другая - просом. Конечно, и сами корзины, сплетенные из ивовых прутьев, и содержавшееся в них зерно сгорели в огне пожара, но угольки, хранящие форму и расположение сгоревших

предметов, позволили не только определить род злаков, но и проследить форму и систему плетения корзин.

В одном из углов помещения на высоком постаменте из глины и камня находилась каменная зернотерка, на которой производился размол зерна. Такие зернотерки были очень характерны для античного мира и составляли неперемнную принадлежность каждого хозяйства. Зернотерка состоит из двух камней. Нижний, неподвижно вмурованный в постамент имеет вид горизонтальной плоской плиты, верхняя рабочая плоскость которой снабжена мелкой насечкой.

Зернотерка-необходимая принадлежность каждого хозяйства

Такая же насечка сделана и на нижней плоскости верхнего камня, укрепленного при помощи деревянных стоек над нижним. В центре верхнего камня - щелевидное отверстие, через которое подсыпалось зерно. Раб толкал верхний камень зернотерки взад и вперед, зерно попадало между рабочими поверхностями обоих камней и растиралось ими в муку. Весь постамент зернотерки и даже пол в этом углу засыпан перегоревшим белым порошком, в котором легко узнать муку. Здесь же стояла небольшая глиняная мисочка, которой собирали эту сыпавшуюся из-под зернотерки муку.

В том же помещении находилось еще несколько зернотерок и небольшие круглые жернова современного типа, вращавшиеся вокруг железного стержня. Но и эта мельница приводилась в движение руками при помощи особого железного рычага в верхнем камне.

Из полученной муки пекли хлеб, или, лучше сказать, лепешки: дрожжевого хлеба в те времена не знали. Для выпечки этих лепешек служила печь в одном из углов помещения. Она напоминала тандыры, которые и теперь применяются кое-где у нас на Востоке: круглая в плане печь имела глинобитный купол с отверстием наверху. Через это отверстие выходил дым, через него же на стенки купола изнутри налепливались лепешки для выпечки. Такие печи открыты не только в Танаисе, но и на других городищах сарматского времени в Нижнем Подонье.

Вероятно, в отрытом нами помещении не только производили размол зерна и выпечку хлеба, но и занимались другими хозяйственными делами.

Там было найдено много обломков разной керамики - амфор и других сосудов, два бронзовых кувшина, несомненно привезенных откуда-то с Запада, осколки стеклянной посуды и даже глиняная форма для изготовления стеклянных чаш. Там же оказались в одной кучке 19 медных монет. Они, вероятно, лежали в кошельке или в мешочке и были забыты хозяином в момент катастрофы, разрушившей его жилище. Само собой разумеется, что в кошельке могли находиться только монеты, которые имели хождение на рынке в то время. Как и везде в помещениях III в. до н. э., самыми поздними монетами были двойные денарии царя Ининфимея; во время царствования его преемника Рискупорида V Танаис постигла катастрофа.

Но были в кошельке и монеты его предшественников на боспорском престоле, царей первой

половины III в. - Савромата II, Рискупорида III и др. Значит, монеты, выпущенные этими правителями, продолжали обращаться на боспорском денежном рынке и после их смерти.

Коммерция и боги

В то время, когда в юго-западной части Танаиса существовал описанный нами дом крупного торгового посредника, в противоположном, северо-восточном углу города стояла другая усадьба, также открытая раскопками. Давайте пройдемся по ее развалинам и представим себе жизнь ее обитателей.

Небольшая калитка приводит нас с улицы в длинный мощный каменными плитами дворик. Вся правая его сторона занята большим навесом; этот навес тянется вдоль глухой стены одного из помещений, он состоит из пяти или шести деревянных столбов, упирающихся в специально вырубленные для них в плитах вымостки ямки, и односкатной камышовой крыши. Под таким навесом хозяину удобно держать сено и другой фураж, можно привязать домашнюю скотину или сложить хозяйственные орудия и инструменты. Слева от навеса остается узкий проход, который тянется вдоль стены, сложенной из необожженных кирпичей и отделяющей одно домовладение от другого. Проход ведет в глубь усадьбы, ко второму, совсем маленькому дворику.

Этот подвал принадлежал торговцу

В центре этого дворика среди плит заметно темное отверстие-горловина водосборной цистерны. Владелец дома начал копать колодец, прокопал его на глубину 3 м, но вода не появилась, тогда он обложил стены колодезной ямы камнем и превратил ее в резервуар для сбора дождевой воды, подведя к нему небольшой каменный водосток, проложенный среди плит дворика. Чтобы кто-нибудь из домочадцев, особенно дети, случайно не свалился в цистерну, ее узкое горлышко закрывалось большой каменной плитой. А потом, когда надобность в этом резервуаре отпала, закрывающую его плиту наглухо примазали глиной к камням вымостки дворика.

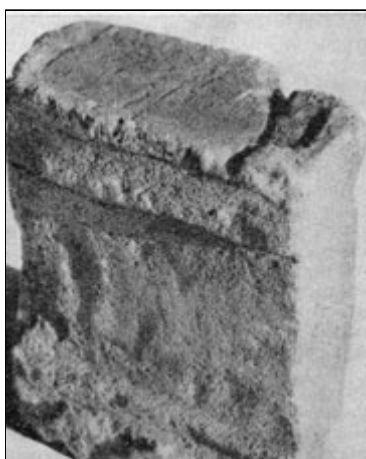
Во внутренний дворик выходит единственной своей дверью большая жилая комната, под которой находится обширный каменный подвал. Это здесь были найдены больше сотни амфор, чашечка весов, стеклянный кубок, привезенный с берегов Рейна, и другие вещи. В этом же подвале оказалось пять больших железных прокованных медью колокольчиков, которые вешались на шею вьючным животным.

Такие железные колокольца подвешивались на шею скоту

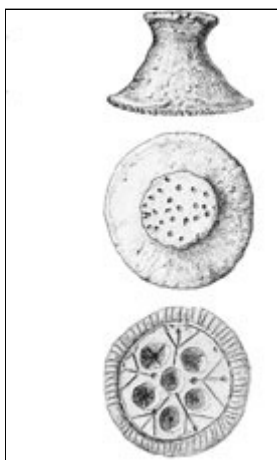
Нетрудно представить себе, как владелец этого дома, несомненно занимавшийся торговлей, снаряжает караван из нескольких лошадей и верблюдов, навьючивает на них небольшие амфоры с вином, корзины с дорогой привозной бронзовой и глиняной посудой, мешки с зерном или с соленой рыбой и отправляется искать торговую удачу к соседним степнякам вверх по реке Танаису или еще дальше - к берегам таинственной реки Ра - Нижней Волги. Это рискованное и опасное путешествие. Множество трудностей стоит на пути предприимчивого купца: могут пасть в пути от бескормицы и безводья лошади, могут налететь дикие кочевники, отнять товары, убить купца и его людей или захватить их всех в рабство. А к этим вполне реальным опасностям народная молва и фантазия добавляли другие - и чудовищных крылатых грифов с львиным телом и орлиной головой, стерегущих сказочные сокровища, и беспощадных женщин-воительниц - амазонок, и многое другое. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы пускаться в далекий путь по степям, грозящим столькими напастями. Зато в случае удачи многонедельное путешествие давало редкостные прибыли, и торговец возвращался в Танаис с отарами овец и табунами лошадей, с вьючными животными, нагруженными кожами и мехами.

Конечно, занимаясь таким опасным делом, владелец нашего дома не мог полагаться только на собственные силы: он был уверен, что ему необходимо постоянное покровительство и заступничество богов, существ, иногда милостивых, но чаще жестоких к людям, которые могли в один момент и погубить человека, и высоко вознести его. А чтобы умилостивить богов, нужны жертвоприношения и возлияния, нужно обращаться к ним и почитать их не только в общественных храмах, но и в собственном доме. И вот наш торговец сооружает домашнее святилище, чтобы угодить своим небесным покровителям и вымолить их заступничество.

Каменный алтарь

С северной стороны внутреннего двора находится небольшое помещение, несколько необычное по своему устройству. Оно имеет только три стены, а со стороны, обращенной к дворику, стена отсутствует, ее заменяет лишь один деревянный столб, поддерживающий крышу. Такие открытые с одной стороны помещения назывались у греков экседрами и предназначались обычно для религиозных церемоний. На самой границе экседры и двора устроен маленький очаг, обложенный каменными плитами, в нем горит священный огонь; для обогрева и прочих бытовых нужд применяется другой, обычный очаг в глубине экседры. Но главные молитвенные церемонии проходят в подвале под экседрой - там стоит высеченный из известняка прямоугольный алтарь, на котором производятся возлияния в честь богов; там находятся маленькие глиняные чашечки с отверстиями в стенках - курильницы, в которых сжигают специальные ароматические вещества, приятные богам; там хранятся специальные светильники, зажигаемые во время жертвоприношений, и набор глиняных рельефных штампов, при помощи которых наносится священный узор на жертвенные лепешки.

Штамп для ритуальных хлебцев

Когда мы при раскопках в подвале открыли все эти культовые принадлежности, мы сначала подумали, что они упали в подвал сверху, когда во время пожара прогорел деревянный пол экседры. Но положение алтаря и других предметов противоречило этой гипотезе. Дальнейшие исследования показали, что расположение танаисского домашнего святилища в подвале не является единственным случаем: в частности, очень похожие подземные святилища известны в Херсонесе, греческом городе в окрестностях современного Севастополя. Перенесение культовых действий в подвальные помещения, вероятно, было вызвано, с одной стороны, характером самих божеств, которые там почитались, как божеств подземных сил, а с другой стороны, стремлением придать культу таинственные и мистические черты.

Впрочем, мы пока не знаем, какому богу или каким богам молился танаисский купец. У римлян покровителем торговли считался вестник богов Меркурий (у греков он назывался Гермесом), изображавшийся в виде юноши с крылышками на ногах. Но в то время, к которому относится дом танаисского купца, - во II-III вв. н.э. представление о точном разграничении функций отдельных богов было уже в значительной степени утрачено; одно божество часто соединяло в себе черты многих, иногда совершенно разнохарактерных, богов. Кроме того, в далеком от основных античных центров полуварварском Танаисе греческие и римские боги, вероятно, обычно и не почитались в своем «чистом» виде. Поэтому определить имя или имена божественных покровителей танаисского торговца мы не можем. Но каковы бы ни были хлебцев эти боги, они не смогли спасти дом своего почитателя и даже собственное свое святилище - все это было разрушено при разгроме Танаиса неприятелем в середине III в. н. э.

Хозяйство горожан

Нижне-Донская экспедиция не случайно при своих раскопках наталкивалась на дома II-III вв. н. э., которые можно приписать торговцам. Многие факты говорят о том, что Танаис в первые века н. э. продолжал быть таким же важным торговым центром, каким знал его в более раннее время Страбон. И даже больше того, его торговое значение, безусловно, возросло. Именно через Танаис поступали к сарматам Подонья и Поволжья те привозные вещи греческого или римского производства, которые находят нередко в сарматских курганах этого времени. Это глиняные чашки и кружки, покрытые своеобразной красно-коричневой поливой или лаком. Такая «краснолаковая» керамика изготовлялась во многих местах греко-римского мира, но в Северном Причерноморье преобладали краснолаковые сосуды малоазийского производства. Это бронзовые и серебряные кувшины и чаши, выделывавшиеся в Италии или в Западной Европе. Это бронзовые или железные застёжки - фибулы, иногда украшенные эмалью, происходящие из мастерских разных районов от Северной Италии и Южной Франции до Северного Причерноморья. Когда эти или подобные изделия явно привозного характера попадают в могилах Подонья и Поволжья, конечно, сразу возникает вопрос, каким образом они туда попали. Совершенно несомненно, что большая часть этого восточноевропейского импорта шла через Танаис. Вряд ли танаисские купцы могли сами добираться до Прикамья, где иногда встречаются вещи римского происхождения. Вероятно, эти вещи попадали так далеко в результате многократных торговых сделок или даже прямых захватов имущества одного племени другим. Но Танаис был отправным пунктом, последним античным центром, откуда эти римские изделия начинали свой долгий путь по варварским степям.

Краснолаковый кувшинчик, привезенный из Малой Азии

Особенно много товаров поставлял Танаис соседним оседлым поселениям и кочевым племенам Нижнего Подонья. Об этом красноречиво свидетельствуют массовые находки обломков амфор и другой античной керамики, осколков стеклянных сосудов, бронзовых изделий и других греко-римских древностей на Нижне-Гниловском, Кобяковом, Подазовском и других городищах по берегам донской дельты и по нижнему течению Дона и в соседних сарматских курганах.

В самом Танаисе привозные античные изделия применялись очень широко. Мы уже говорили о многих сотнях амфор с вином и оливковым маслом. Ни виноград, ни маслины в окрестностях Танаиса тогда не росли. Для разведения маслин нужны совершенно иные климатические условия, а возделывать виноград на Дону научились сравнительно недавно; грекам же климат Приазовья казался чрезвычайно суровым, и создать тут своего виноградарства и виноделия они не смогли. Значит, все эти столь необходимые для греков товары надо было привозить в амфорах из-за моря. К сожалению, амфоры первых веков нашей эры не поддаются такому точному определению, как более ранние: на них обычно нет штемпелей места производства. Только по косвенным признакам можно предполагать, что большинство привозных товаров в амфорах поступало из городов южного побережья Черного моря. Несомненно, амфоры привозились в Танаис также с Боспора. Из Пергама и других городов Малой Азии импортировались столовая краснолаковая посуда и другие товары. Но

некоторые вещи поступали в Танаис и из более Далеких стран. Из Александрии (Египет) привозили некоторые украшения и амулеты, которые носили танаисцы, из Рейнской области - стеклянные флаконы, чаши и кубки, из Италии - художественную бронзовую утварь - вазы, канделябры, лампы. Вероятно, большая часть этих товаров попадала в Танаис через Боспор, но некоторые могли проникать в Подонье и другими путями.

Краснолаковая тарелка, привезенная в Танаис с острова Самос

Если археологические находки рассказывают нам, какие товары ввозились в Танаис из античных городов и какие товары сами танаисцы переправляли в придонские степи, то гораздо труднее определить, что шло в обратном направлении, - какие продукты вывозились из Танаиса и всего Нижнего Подонья на Боспор и далее в города греко-римского мира. Безусловно, Танаис экспортировал рыбу: донские осетры особенно ценились в императорском Риме, куда их доставляли, по бешеным ценам, конечно, даже живыми, не говоря уже о всевозможных видах соленой, сушеной и маринованной рыбы. Вероятно, вывозились из Танаиса и кожи и шкуры животных, получаемые от окружающих кочевников. Могло идти на экспорт и какое-то количество зерна, хотя вряд ли оно могло быть значительной статьёй вывозной торговли: земледельческое население этого района было невелико. Можно думать, что Танаис, как и раньше, служил и невольничьим рынком. Но обо всем этом мы можем только догадываться - никаких прямых свидетельств для этого времени у нас нет.

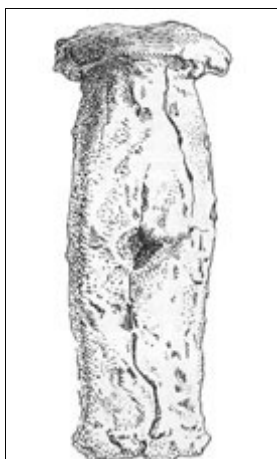
Конечно, население города не занималось только торговлей. Как и во всяком античном городе, многие жители Танаиса занимались земледелием, имели свои поля, сады и огороды за пределами городских стен на принадлежащих городу окрестных землях. О земледелии говорят нам прежде всего очень часто встречающиеся остатки обгорелого зерна - пшеницы, ржи, ячменя, проса и большое число хозяйственных ям, предназначенных для хранения зерновых запасов. Эти ямы обычно вырывались в земле, но иногда даже вырубались в скале. Найдены при раскопках и обломки серпов. Жители Танаиса не только занимались земледелием, но и разводили скот, о чем свидетельствуют находки большого количества костей домашних животных - овец, коз, коров, свиней, лошадей и даже верблюдов. Число костей диких животных, встреченных в раскопках, очень невелико. Это говорит о том, что охота играла небольшую роль в хозяйственной деятельности горожан. Только на дикого кабана, водившегося в камышовых зарослях дельты Дона, охотились, по-видимому, постоянно.

Из добывающих промыслов особенно распространено было в Танаисе рыболовство.

В культурных слоях городища, в мусорных свалках и в древних мусорных ямах встречается огромное количество отходов рыбы - костей и чешуи. Остатки рыбьей чешуи залегают иногда целыми пластами. Исследование этих остатков специалистами-ихтиологами показало, что основными видами промысловых рыб в Танаисе были осетр, севрюга, стерлядь, сазан, сом и др.

Ловили рыбу обычно сетями: до нас дошло множество плоских рыболовных каменных грузил округлой или овальной формы с просверленными одним или двумя отверстиями для прикрепления.

Это зубило принадлежало танаисскому кузнецу или ювелиру

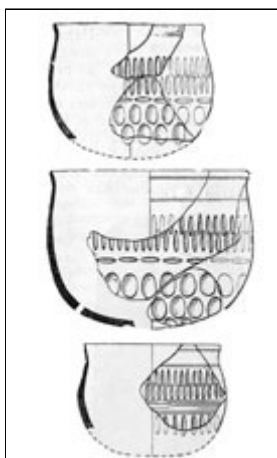
Танаис не был бы городом, если бы в нем не были развиты ремесленные производства. Постройка домов и оборонительных сооружений из камня предполагает наличие в городе значительного числа каменщиков и каменотесов. Правда, все танаисские постройки выполнены весьма примитивно из совершенно необработанного или лишь слегка подтесанного камня, но танаисские плиты с надписями, рельеф с изображением Трифона и некоторые другие находки заставляют думать, что были в городе и настоящие мастера-камнерезы. Не мог, конечно, обходиться город и без своих плотников и кузнецов. Может быть, кузнецу или ювелиру принадлежало небольшое железное зубило, найденное на дне одной из цистерн. О наличии ювелирного производства говорят находки в Танаисе двух формочек для отливки серебряных или бронзовых серег. Любопытно, что обе формочки изготовлены из обломков родосских амфорных ручек, довольно сложный рисунок одной из серег позволяет предполагать, что в Танаисе работали искусные ювелиры. Такому мастеру, вероятно, принадлежал и маленький глиняный тигель для плавления металла, найденный при раскопках. О развитии костерезного ремесла свидетельствуют находки костей со следами обработки - опиловки, шлифовки и пр. и отдельных костяных изделий - ручек ножей, шпилек, стрел, рукояток нагаек и др.

Тигель для плавки металла - принадлежность ювелирной мастерской

В Танаисе существовало и керамическое ремесло. Глиняные сосуды выделывались ремесленниками на гончарном круге и обжигались в специальных керамических печах. Такие печи были обнаружены при раскопках Недвиговского городища в XIX в., но ни описания, ни зарисовки их тогда не сделали, и мы не можем теперь судить об их устройстве. Продукцию танаисских гончаров тоже пока не удастся отличить от общей массы боспорских керамических изделий, но со временем это, наверное, можно будет сделать, и тогда мы получим новые данные для характеристики танаисского ремесла. Довольно неожиданными оказались находки при раскопках в Танаисе глиняной формы для выделки стеклянных чашек

и многочисленных остатков стекольного производства - бракованных изделий, стеклянных шлаков, тигля для плавки стекла. До сих пор собственное стекольное производство не было известно ни в одном городе Северного Причерноморья» Любопытно, что танаисские стеклоделы изготовляли свою продукцию по западным образцам, подражая рейнским Мастерам.

Стеклянные чаши, привозные и местного изготовления

Общественная жизнь

Надписи на каменных плитах, найденные в Танаисе, являются поистине неоценимым кладом. Из этих надписей мы узнаем не только о постройке и реставрации в Танаисе оборонительных и других сооружений, но и об общественном устройстве, политической и религиозной жизни древнего города.

В первые века н. э. Танаис прочно входил в состав Боспорского государства. Каждая танаисская надпись начинается с упоминания боспорского царя, в царствование которого произошли события, увековеченные в тексте. Конечно боспорские цари в Танаисе не жили и, вероятно, даже не бывали: резиденцией их был Пантикапей, столица боспорского государства. В Танаисе же верховную власть от имени царя выполнял его наместник, или легат, - пресбевт. Эти легаты назначались либо из числа придворных царя, либо из состава городской аристократии самого Танаиса. Кроме царского легата, городом управляли выборные лица, ведавшие определенными разделами городского хозяйства. Естественно, что эти должности в городском управлении занимали обычно члены все той же аристократической верхушки горожан. Во главе городского самоуправления стояли выборные архонты, которых в Танаисе было несколько. Одни из них именовались архонтами эллинов, другие - архонтами танаитов. В этих названиях, видимо, сохранились воспоминания о делении всех жителей Танаиса на две этнические группы - греков и негреков, т. е. представителей местных меотских или сарматских племен; каждая из этих групп первоначально имела свои выборные власти. Впрочем, в начале нашей эры это этническое деление вряд ли было чем-нибудь большим, чем воспоминание: все археологические материалы показывают, что в Танаисе в то время не существовало двух обособленных групп, а все население было единым в отношении культуры и быта. Да и сами архонты эллинов носили иногда явно негреческие имена и, вероятно, происходили из среды эллинизированной туземной знати. В надписях все архонты выступают как равноправные коллеги, участвуя совместно в строительстве городских сооружений и в других общественных предприятиях.

Любопытной чертой общественной жизни Танаиса было существование религиозных союзов - синодов, объединявших представителей верхних слоев населения города - купцов,

аристократов, высших чиновников. Длинные списки членов этих союзов с указанием имен и отчеств сохранились на мраморных плитах. Во главе каждого синода стояли жрец и выборные должностные лица из танаисской аристократии. Синоды создавались не только для совместного отправления культа, но и для некоторых общественных дел, например для организации обучения и воспитания детей. Члены этих союзов почитали какое-то божество, которое никогда не называется в надписях по имени, а именуется лишь «богом высочайшим». Можно думать, что в культе этого безымянного бога слились черты разных культов - и главного греческого бога Зевса, и фракийского Сабазия, и даже еврейского бога Яхве, и христианского бога-отца. Не этому ли могущественному и безымянному богу приносил жертвы в тишине своего подвального святилища при таинственном мерцании светильников танаисский купец перед отправлением в опасное путешествие? Но об этом мы можем пока только гадать, для более определенных суждений у нас еще нет достаточных данных.

Каждая новая надпись пополняет наши сведения об общественной и идеологической жизни древнего города. Так, из одной надписи недавно стало известно, что танаис-цы ежегодно праздновали какой-то «день Танаиса». Предполагают, что этот праздник был установлен в память восстановления города после разгрома его Полемоном.

Надпись религиозного союза - синода

КОНЕЦ ТАНАИСА

Катастрофа

Надписи и археологические раскопки говорят о том, что во II и в первой половине III в. н. э. Танаис переживал эпоху большого экономического подъема. Но над городом уже сгущались зловещие тучи. Не напрасно так лихорадочно восстанавливаются и строятся оборонительные сооружения - стены, башни, рвы. Обстановка в степях становится все более тревожной, с востока и с севера в причерноморские степи прорываются новые орды кочевников, не знакомых с античной культурой и не умеющих ценить ее достижения. Эти новые пришельцы не были заинтересованы, как скифы и сарматы, в развитии торговых связей с античными городами. Для них города, встречающиеся на их дороге, являлись только объектами грабежа. Танаис лежал на пути всех кочевых передвижений, ему первому пришлось испытать удар новых орд, вторгшихся в Северное Причерноморье в III в. н. э.

Еще Леонтьев обратил внимание на следы разрушения города, встречающиеся повсюду на

городище. «Развалины города показывают,- писал он,- что это разрушение было самое страшное, какое только можно себе представить: в городе почти не осталось камня на камне; от весьма многих стен сохранились нижние ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основания, и самые погреба засыпаны развалинами обрушившихся строений... В разорении участвовал огонь, которого следы видны почти везде во внутренней части города и на внутренней стороне городских стен и башней; одна из открытых башней обгорела даже со всех сторон» (П. М. Леонтьев. *Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Сборник «ПроPILEI», т. IV, стр. 438*).

Леонтьев полагал, что этот разгром Танаиса учинили гунны, вторгшиеся в Причерноморье в конце IV в. н. э. Новейшие раскопки показали, что на самом деле катастрофа произошла гораздо раньше - около середины III в.

Где бы ни велись раскопки на Недвиговском городище, всюду натыкаешься на следы этой катастрофы. Обрушившиеся стены домов, обгорелые балки, уголь и зола от сгоревших крыш, следы огня на каменных постройках и на керамике - все это последствия колоссального пожара, охватившего и уничтожившего весь город. Внезапная и единовременная гибель всего города в огне совершенно несомненна. Конечно, пожары случались в Танаисе нередко. При скученной застройке города и при том условии, что крыши танаисских домов были соломенными или камышовыми, случайно возникший пожар мог опустошить большой район. Но маловероятно, чтобы танаисцы дали такому случайному пожару уничтожить весь город. И уж совсем невозможно думать, что город после такого пожара не был бы вновь восстановлен жителями.

А между тем Танаис более 100 лет после катастрофы лежал в развалинах, и жизнь на городище не возобновлялась. Видимо, некому было восстанавливать город - значит, край этот сразу обезлюдел. Это могло случиться только в том случае, если пожар города не был просто стихийным бедствием, а явился следствием взятия и разгрома Танаиса неприятелем и сопровождался истреблением или угоном всех его жителей. Такое предположение тем более вероятно, что в это же время полностью прекращается жизнь и на других поселениях в Нижнем Подонье, где она существовала в первые века нашей эры.

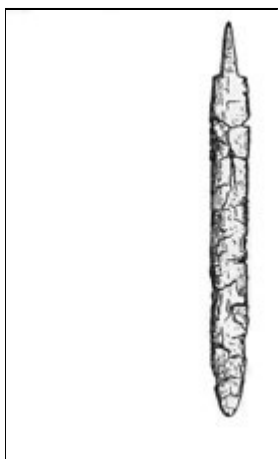
Мы можем представить себе, как надвинулась на Танаис беда.

...Давно уже до горожан доходили слухи о каких-то новых народах, прикочевавших в донские степи откуда-то издалека, не то с восточных Рипейских гор, не то от северного Гирканского моря. Новые пришельцы говорят на непонятном языке и молятся неизвестным богам. Они свирепы и жестоки, ничего не щадят и все уничтожают на своем пути. Танаисцы спешно заканчивали строительство оборонительной линии вокруг города, надеясь защититься крепкими стенами от нашествия незваных пришельцев. День и ночь сооруженные патрули обходили городские стены, были усилены караулы у ворот, конные разъезды отправлялись в разные концы городской округи.

Но вот запыленные и окровавленные всадники из разъездов принесли весть о приближении страшного неприятеля. А ночью на севере и востоке запылали зловещие зарева - это пришедшие варвары жгли небольшие нижнедонские поселки, не имевшие мощных оборонительных укреплений. Утром с городских стен жители увидели, что все степи вокруг покрыты передвигающимися войсками варваров. По всем направлениям с гиканьем мчались всадники, подсакивали к самому городскому рву, выпускали в защитников города длинную тяжелую стрелу из большого лука и уносились обратно; скрипели кибитки на колесах, там и сям загорались походные огни костров. С горечью смотрели танаисцы, как гибнут под копытами лошадей их огороды, как горят подожженные пришельцами хлеба, как варвары угоняют в глубь степи захваченные стада. Но со всеми этими потерями можно примириться, лишь бы уцелеть самим, лишь бы не допустить неприятеля в город. Правда, жителям Танаиса,

кажется, не нужно особенно опасаться штурма. Чтобы добраться до города, варвары должны преодолеть широкий наполненный водой ров, подняться на отвесные стены в 4-5 раз выше человеческого роста; и все это под градом стрел и камней, под ударами мечей и копий защитников города. Осаждающие не имеют штурмовых башен, мощных таранов, метательных машин и прочей осадной техники, так хорошо разработанной греками и римлянами. Длительная осада тоже не очень опасна Танаису: в городе есть источники питьевой воды, в подвалах хранятся большие запасы зерна и других съестных припасов. Варвары же скоро все истребят вокруг себя, их коням нечего будет есть, и они должны будут снять осаду. А может быть, и боспорский царь пришлет корабли на помощь осажденному городу.

И все же Танаис был взят неприятелем. Как это случилось, мы не знаем: может быть, осаждавшим удалось поджечь город зажигательными стрелами и, воспользовавшись пожаром, ворваться в Танаис; может быть, городские укрепления все еще не были закончены к моменту нападения и это облегчило варварам взятие города; может быть, нашлись в городе предатели, которые тайно отворили ворота осаждавшим. находка в городских развалинах большого количества зерна говорит о том, что не истощение в результате долгой осады заставило жителей сдать. Не было замечено при раскопках и следов ожесточенного штурма города. Обычно, когда города погибают в результате неприятельского штурма и резни населения, при раскопках обнаруживаются сотни и тысячи скелетов защитников города и нападающих, лежащих там, где их застала смерть; особенно много их бывает в оборонительном рву, в развалинах укреплений. Именно такую картину дают раскопки некоторых древнерусских городов, захваченных и сожженных татаро-монголами в XIII в. Правда, в Танаисе спустя сто с лишним лет после разгрома вновь возродилась жизнь, и новые поселенцы, конечно, собрали и захоронили останки погибших, которые им попались. И все же какое-то количество костяков должно было бы дойти до нас под развалинами стен и в засыпанных камнями помещениях, если бы число погибших было очень велико. Не много найдено и оружия. На развалинах описанной мукомольни, примыкавшей к городской оборонительной стене, поверх рухнувших балок перекрытия найден железный меч. Может быть, один из защитников города, стоявший на стене, раненый или убитый, выронил меч, который и упал на крышу прилегающего дома. В соседнем помещении найден железный наконечник копья. Небольшое количество найденного оружия и отсутствие скелетов убитых людей говорит, кажется, о том, что ожесточенных схваток на улицах города не было. Видимо, большая часть жителей была еще жива, когда Танаис был разрушен пожаром. Но жители не смогли вернуться на свои пепелища, не смогли даже забрать ценные вещи и деньги, находившиеся в домах. Вероятнее всего, они были захвачены и угнаны неприятелями, обратившими их в рабов. А покинутый город горел и разрушался. Так кончился период расцвета Танаиса.

Железный меч, выпавший из рук одного из защитников Танаиса

Керамика и другие вещи, а особенно боспорские монеты, найденные в разрушенных пожаром

домах, позволяют установить, когда произошла катастрофа. Это случилось в 40-х годах III в. н. э. Самая поздняя из найденных в Танаисе боспорских монет помечена 535 г. боспорского летоисчисления, который приходится на 238 г. н. э. Позднейшая из дошедших до нас танаисских надписей имеет дату 541 г. боспорской эры, т. е. 244 г. н. э. Видимо, очень скоро после этого город и был разгромлен.

Кто были враги, разгромившие Танаис, мы точно не знаем. Но можно предположить, что он пал под ударами большого объединения племен, создавшегося в III в. н. э. в Причерноморье. Во главе этого объединения стояли готы, племя германского происхождения. Но главную силу составляли, видимо, не они, а пришедшие с востока племена боранов, герулов и др. Несколькими десятилетиями позже эти племена обрушились на основные области Боспора, на Керченский полуостров, разрушили там многие населенные пункты и даже захватили на некоторое время в свои руки власть на Боспоре.

Жизнь на пепелище

Проходили годы, проходили десятилетия, а Танаис все лежал в развалинах. Только спустя сто с лишним лет после уничтожения города во второй половине IV в. н. э. в его руинах вновь появились люди. Они пытались приспособить под жилье развалины древнего города, строили и новые жилища. При раскопках на городище в нескольких местах открыты остатки зданий IV в. Но все постройки этого, последнего периода жизни города дошли до нас в таком разрушенном состоянии, что совершенно невозможно составить себе представление об общей планировке зданий и о назначении отдельных помещений. Такая плохая сохранность позднейших построек объясняется двумя причинами. Во-первых, эти постройки лежат неглубоко, под самой поверхностью городища и поэтому они особенно пострадали в XIX в., когда городище служило для окрестного населения каменоломней. А во-вторых, качество самих этих построек было очень низким и они очень легко разрушались.

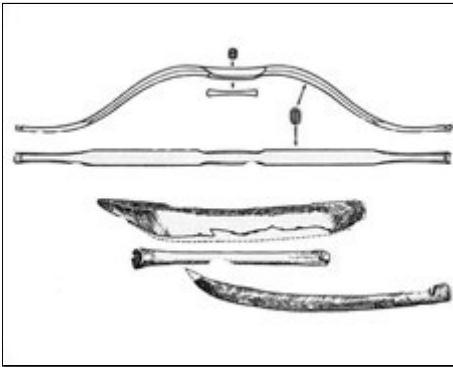
Здания IV в. резко отличаются от более ранних домов тем, что они очень небрежно и плохо построены. Сохранившиеся их остатки говорят о глубоком падении строительного искусства, о том, что жители Танаиса позднейшей поры мало заботились о прочности и красоте своих сооружений. Даже оборонительная стена IV в., возведенная на развалинах более ранних укреплений, была сложена очень небрежно из мелкого камня. Она не имеет даже вертикальных фасов и напоминает скорее насыпанный из камней защитный вал, чем стену регулярной кладки. Глубокий прежде оборонительный ров теперь наполовину был засыпан камнями и заполнен затеками земли. В одном месте через ров была проложена дорога, ведущая к воротам в оборонительной стене.

Люди, обосновавшиеся на пепелище Танаиса в IV в. н. э., иногда наскоро приспособивали для жилья остатки разрушенных домов старого города. На одном из участков раскопок удалось обнаружить, что развалины III в. были огорожены в IV в. небольшими подпорными стенками, чтобы они не обрушились на новые жилища. На то, чтобы полностью разобрать каменные завалы, сил, видимо, не хватило, и в Танаисе IV в. рядом с жилыми домами существовали большие районы неубранных развалин. В другом месте позднейшие обитатели города, устраивая подвал под домом, натолкнулись на более ранний большой подвал, высеченный в скале и заваленный камнем. Но и здесь они не стали расчищать весь прежний подвал, а, выбрав камень только из одного угла его, огородили остальной завал плохонькими стенками, лишь бы камни не обрушились на расчищенное место.

Небольшой подвал IV в. занимает лишь часть площади более раннего подвального помещения

Число находок, которые можно твердо отнести к последнему этапу жизни Танаиса, сравнительно невелико. Это обломки некоторых типов амфор, лепных горшков и простой домашней посуды, небольшое число обломков красно-лаковой керамики, почти исключительно боспорского производства, редкие осколки поздних стеклянных чаш. Найдено и несколько бронзовых монет второй половины IV в. - это все монеты римских императоров: боспорские цари к этому времени свою монету выпускать уже перестали. Наиболее интересной из поздних находок является находка во рву костяных обкладок большого сложного боевого лука. Эти обкладки позволяют полностью восстановить конструкцию лука.

Гуннский лук (реконструкция) и его детали

И характер построек, и количество вещественных находок, относящихся к IV в., свидетельствуют, что в последний период своего существования Танаис был незначительным варварским поселением, ничем не напоминающим того цветущего города, торгового и производственного центра, каким был Танаис до разгрома III в. А в конце IV или в начале V в. город окончательно перестал существовать и жизнь на этом месте замерла на многие столетия, чтобы возродиться уже только незадолго до нашего времени в современном хуторе Недвиговке.

ГОРОД МЕРТВЫХ

Могилы танаисцев

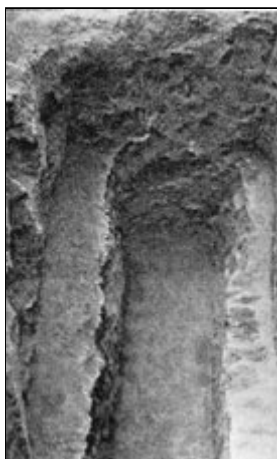
В древности не существовало статистики, и наши источники редко сообщают о том, какова была численность населения древних городов. Но современные ученые с помощью различных вычислений, расчета плотности населения и площади городов сумели высчитать, сколько примерно человек могло жить в том или другом древнем городе. Хотя Танаис и был важным торговым центром, по количеству населения он принадлежал к небольшим античным городам. На площади, которую занимал этот город в период расцвета, вряд ли могло

проживать одновременно более нескольких тысяч человек. Но гораздо большее число людей нашло вечное упокоение в окружающих город могильниках. Многие поколения танаисцев хоронили своих умерших в окрестностях города, и городской некрополь - «город мертвых» должен был значительно превосходить город живых.

Огромную площадь к востоку, северу и западу от городища занимает танаисский некрополь. Много сотен могил уже исследовано археологами, еще больше их было разрушено при строительстве домов хутора Недвиговки, при возделывании огородов, при посадке садов. И все же под окружающими городище полями и огородами таится еще огромное число нераскрытых могил танаисцев, несметное количество древних вещей.

Захоронения умерших производились с соблюдением разных погребальных обычаев и церемоний; разнообразны были способы погребения и формы могил.

Чаще всего танаисцы хоронили своих умерших в простой земляной яме в деревянном гробу. Гроб выделывался из дубовых досок или иногда выдалбливался из целого ствола дерева. Впрочем, нередко труп клали в могилу и без всякого гроба. Могильная яма перекрывалась иногда досками или каменными плитами. Для этого вдоль длинных сторон могильной ямы делали земляные или каменные ступеньки, на которые опирались концы перекрытия. Встречаются в танаисском некрополе так называемые подбойные могилы; в таких могилах умершего хоронили не в самой могильной яме, а в специально вырытой в одной из сторон этой ямы пещере, подбое. Маленьких детей часто хоронили не в гробу, а в глиняной амфоре, куда трупик ребенка засовывали, отбив у амфоры горло. Изредка применялся и обряд кремации, когда труп не зарывали в землю, а сжигали и в могилу ставили только урну с пеплом умершего. Трупосожжение применялось только в первые века существования города, пока в обычаях жителей еще относительно сильны были традиции греческой культуры; впоследствии этот способ погребения совершенно исчезает.

Могильная яма

На поверхности земли место могилы обозначалось разными способами. В Танаисе не употреблялись обычные для греческих городов мраморные надгробия с изображением умершего и надписью в его честь. Но все же иногда над могилой ставилось очень примитивно высеченное из известняка изображение человеческой фигуры в виде четырехугольной плиты, увенчанной диском-головой. Над некоторыми могилами на поверхности земли выкладывался круг из камней или просто складывалась куча камня, которая и обозначала место погребения. Наконец, нередко над богатыми могилами насыпали большие земляные курганы; иногда насыпь такого кургана поддерживалась кольцеобразной каменной стенкой - крепидой. В настоящее время только оплывшие курганные насыпи указывают на места подкурганых погребений, другие же элементы оформления могилы сами давно уже затянуты землей, и отыскивать грунтовые могилы приходится путем сплошной раскопки территории некрополя.

Многообразие приемов и способов захоронения умерших в Танаисе объясняется тем, что в городе жили представители разных племен и народов. Греки Боспора, различные племена сарматов и меотов имели свои собственные погребальные обычаи, и выходцы из этих племен, жившие в Танаисе, пытались сохранить эти характерные обряды своих предков. В погребальных обрядах танаисского некрополя можно наблюдать и такие черты, которые заимствованы из греческих обычаев (трупосожжения, погребения в амфорах), и такие, которые характерны для погребений сарматов и других степных кочевников Восточной Европы (долбленные гробы-колоды, курганные насыпи и др.)- В могильнике Танаиса все эти различные по происхождению элементы погребального обряда тесно переплетаются, указывая на такое же тесное переплетение разных племенных групп в населении самого города.

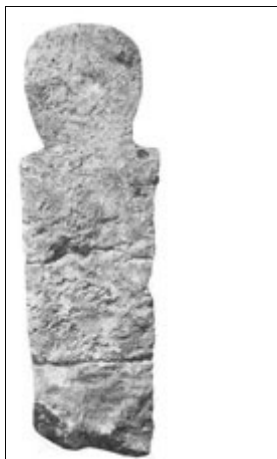

Детей нередко хоронили в амфорах

И греки, и другие древние обитатели приазовских степей заботливо снаряжали своих умерших в последний путь. Ведь они верили, что покойник будет вести в загробном мире почти такую же жизнь, какую он вел на земле. Значит, ему понадобятся «на том свете» те же вещи, которые он употреблял при жизни. Поэтому в могилу с умершим клали его украшения, оружие, ставили сосуды с едой и питьем. Состав этих положенных в могилу вещей меняется в зависимости от пола, возраста, общественного положения умершего. Погребения богатых людей содержали в большом числе золотые и другие драгоценные украшения, множество дорогих привозных сосудов и пр., а бедняки и после смерти вынуждены были довольствоваться одним-двумя горшками, простенькими бусами и тому подобной мелочью, положенной в могилу.

Хорошим примером богатого погребения может служить уже упоминавшаяся могила, открытая случайно казаком Алексеем Смычковым в 1908 г. При умершем были положены железный меч, копье и несколько стрел, от которых сохранились железные наконечники, глиняный и серебряный сосуды, два шейных обруча (гривны), один из них золотой с изображением львиных головок на концах, а другой серебряный. Голову погребенного, по-видимому, украшал венок из тонких золотых листочков - такие венки изготовлялись на Боспоре специально для украшения богатых покойников при погребении.

К сожалению, все богатые погребения танаисского некрополя были разграблены еще в древности. Грабители хорошо знали, в каких могилах можно найти богатую поживу, и не пропускали почти ни одной. Более бедные могилы не подвергались ограблению, и, если не были перекопаны случайно при позднейших захоронениях или земляных работах, они сохранились до нашего времени нетронутыми.

Над могилой ставили примитивное человекообразное изображение

Чаще всего в могилах встречаются сосуды самых различных форм: простые, грубо вылепленные от руки кухонные горшки, столовая посуда - миски, чашки, кувшины, иногда амфоры. Одним словом, покойникам ставились все те сосуды, которые употреблялись в повседневном быту. Иногда в могилах встречается и дорогая привозная керамика - краснолаковая, с рельефными украшениями или стеклянные и даже металлические сосуды.

Как правило, сосуды ставились в могилы с какой-нибудь едой или питьем, но иногда глиняная посуда помещалась в погребения и пустая. В некоторых могилах, например, встречаются миски, положенные вверх дном. Интересно, что во многих погребениях находятся сосуды, положенные туда уже поврежденными: кувшины и амфоры с обломанными ручками или отбитым горлышком, чашки с дыркой и т. п. Видимо, родственники умершего, не желая зарывать в могилу хорошие вещи, подсовывали умершему те предметы, которые уже не имели ценности в быту.

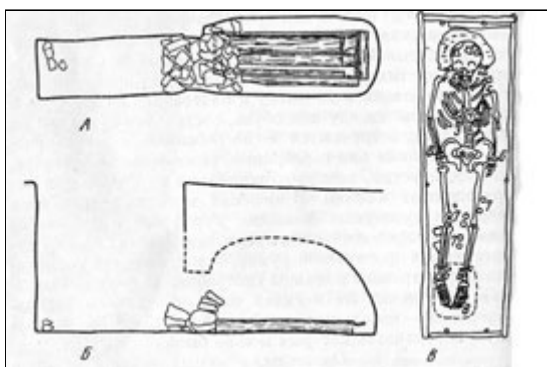
Из оружия в могилах чаще всего встречаются железные наконечники стрел; реже клали в могилы мечи и копья. Орудия труда не встречаются в погребениях почти никогда. Зато украшения присутствуют почти в каждой могиле, особенно много их в женских погребениях, но часто встречаются они и при мужских костях. Особенно любили танаисские женщины различные бусы. Они изготовлялись из стекла или непрозрачной стеклянной пасты, из сердолика, янтаря, кораллов, даже из бронзы и золота. Некоторые бусы или подвески привозились издалека, например из Египта. Разноцветные пестрые бусины не только нанизывались на нитку и надевались на шею, но и нашивались на одежду или обувь, составляли браслеты на руках. Часто встречаются в погребениях и металлические - бронзовые или серебряные, реже золотые - серьги, застежки, перстни, иногда со вставками из стекла или полудрагоценных камней. В женских могилах встречаются серебряные туалетные флаконы, коробочки и небольшие сосудики для ароматических масел, заменявших грекам духи, для всяких протираний, румян, белил, и прочей косметики, которую, древние модницы употребляли в большом количестве. В женских же могилах часто попадаются бронзовые зеркала - небольшие металлические диски, в полированную поверхность которых можно было смотреться.

Древние модницы употребляли металлические зеркала

Провал на дороге

Однажды, в самый разгар раскопок Танаиса, нам сообщили, что на полевой дороге, проходящей около городища, образовался какой-то провал. Осмотр этого места показал, что небольшой участок земли на дороге действительно осел под тяжестью прошедшего здесь трактора. Это могло произойти только в том случае, если внизу под дорогой была пустая пещера, куда провалился перекрывавший ее грунт. Ясно было, что здесь находится древняя подбойная могила: не заполненный землей подбой и образовал эту пустоту. Работы экспедиции подходили к концу, время было дорого, и мы сильно сомневались, стоит ли отвлекать рабочих на раскопку этой могилы, которая еще неизвестно что содержит. Но школьники-туристы одной из донбасских школ, пришедшие ознакомиться с раскопками Танаиса и разбившие свой палаточный лагерь около городища, вызвались поработать на раскопке могилы, если им разрешат и помогут. И вот дорогу перекрыли, стрелками указав объезд, и под руководством одного из научных сотрудников экспедиции начались раскопки провала.

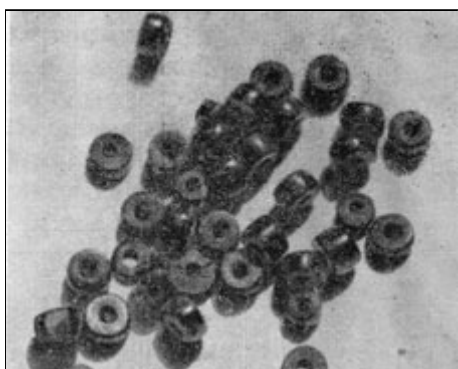

Могила, открытая на дороге А - план могилы; Б - разрез могилы; В - план погребения: 1 - остатки тростника, 2 - серьги, 3 - золотые бляшки, 4 - зеркало, 5 - фибула, 6 - гешировые бусы, 7 - орехи и каштаны, 8 - остатки кожи, 9 - золотой нагубник

Уже в первый день работ стало ясно, что предположение о существовании под современной дорогой, проходящей по территории некрополя, подбойной могилы верно. Постепенно в ходе раскопок выяснилось, каким образом было совершено захоронение. Сначала в плотном глинистом грунте выкопали глубокую прямоугольную яму. Затем в яме сделали горизонтальный подбой, который расширили до размеров небольшой пещеры. В эту подземную искусственную катакомбу поставили гроб с телом умершей женщины, заложили проход из входной ямы в катакомбу камнем и засыпали входную яму землей. Когда с

течением времени насыпанный над могилой небольшой холмик сравнялся с окружающим полем, все следы погребения исчезли, а глубоко под землей останки погребенной почти 2000 лет тому назад женщины продолжали лежать в пустоте катакомбы, пока тяжесть трактора не заставила осесть грунт над ней я не выдала тайну скрытого в ней погребения.

Велика была радость раскапывавших катакомбу школьников, когда из-под земли показались сначала древесный тлен от досок гроба, а затем и костяк с сопровождающими его вещами. Молодая женщина была погребена во всех своих украшениях. С обеих сторон черепа, там где находились уши, лежали две серьги в виде небольших бронзовых колечек. Одежда, которая, конечно, не сохранилась, была скреплена у левого плеча бронзовой застежкой - фибулой. Эта застежка, состоящая из дужки, пружинки и иголки и по своему устройству очень напоминающая современные английские булавки, была найдена около левой ключицы. На шее умершей было красивое ожерелье из крупных и блестящих черных бусин; материалом для их изготовления послужил гешир - одна из разновидностей каменного, угля. Из таких же гешировых бусин, но меньшего размера были составлены браслеты на обеих руках погребенной. Бусами же были обшиты голенища невысоких сапожек: бусины и обрывки истлевшей кожи оказались на костях голени. Среди костей грудной клетки были обнаружены две округлые выпуклые пластинки из тонкого золота - вероятно, они были прикреплены к одежде. Третья плоская золотая пластинка была положена на губы лежащей на спине покойницы и оказалась на плотно сомкнутых зубах черепа. Наконец, около ребер было найдено небольшое бронзовое зеркальце, вероятно лежавшее на груди погребенной.

Гешировые бусы

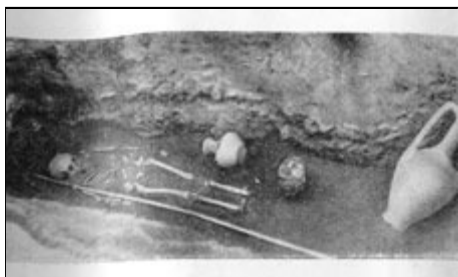
Этим, однако, не исчерпывался инвентарь этого любопытного погребения. Сбоку от дубового гроба были аккуратно прикрыты доской два сосуда - лепной горшочек и краснолаковая миска. Там же оказались вторая пара бронзовых серег-колечек и железный нож. В горшочке и миске, несомненно, находилась пища для заупокойной трапезы погребенной. Кроме того, прямо в гроб было положено некоторое количество грецких орехов и каштанов. Может быть, эти плоды были любимым лакомством умершей и заботливые родственники не забыли дать ей их с собой в последнюю дорогу. Наконец, среди камней заклада катакомбы оказался так называемый бальзамарий - стеклянный сосудик с очень высоким узким горлышком, служивший для хранения каких-то ароматических веществ, - нечто вроде современного флакона для духов.

Как видим, эта могила, случайно открытая благодаря оседанию почвы на дороге, рассказала многое о быте, одежде, украшениях жительниц города Танаиса во II в. н. э.

Грек или варвар?

Раскопка и расчистка могилы № 79 Танаисского некрополя доставили много хлопот сотрудникам Нижне-Донской экспедиции 1957 г. Не так-то просто было расчистить на трехметровой глубине заполненную твердым глинистым грунтом могильную яму, имевшую

всего 50 еж, в ширину при 2,5 м длины. Зато находки в этом погребении вознаградили исследователей за труд, затраченный на его расчистку.

Погребение № 79

В могиле, перекрытой поперечно положенными деревянными плахами, оказался скелет подростка. Среди костей скелета и около них обнаружены вещи, помещенные в могилу при погребении. В одном углу могилы стояла прислоненная к стенке ямы узкогорлая амфора. Хотя под тяжестью земли она растрескалась, но продолжала сохранять свою форму и положение в могиле. У нее не хватало только одной ручки, которая была отбита еще до того, как амфора с вином была поставлена в могилу. В противоположном углу, за головой погребенного стоял маленький горшочек с приземистым туловом и немного расширяющимся кверху горлышком. Его поверхность была при изготовлении особым образом заглажена или залощена для придания ей матового блеска. Такие лощеные сосудики очень характерны для сарматских древностей I в. н. э. Совсем иной характер имеют два других сосудика, найденные у ног костяка. Это очень изящные, тонко сделанные кувшинчик и чашечка. Оба они покрыты красным лаком, а кувшинчик имеет еще на плечиках орнамент в виде веточек, исполненный краской. Эта посуда изготовлена в греческих гончарных мастерских, вероятно в одном из греческих городов Малой Азии, и в Танаис попала в результате торговли.

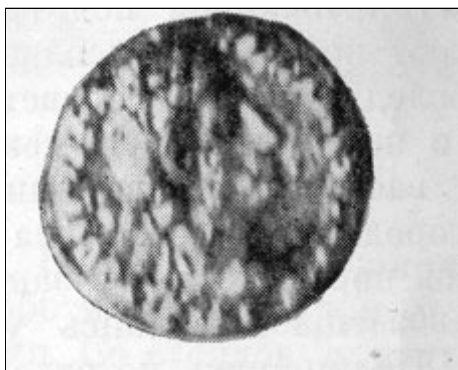

Краснолаковый кувшинчик, изготовленный в Малой Азии и попавший в танаисскую могилу

Одежда погребенного, конечно, истлела совершенно и до нас не дошла. Только на одном бронзовом украшении сохранились незначительные остатки какой-то ткани. Зато украшения все оказались в могиле на месте. Около правого виска лежала серьга в виде маленького колечка из золотой проволоочки, среди костей грудной клетки - две большие черные гешировые бусины, две бронзовые бусины, несколько маленьких бронзовых фибул и бронзовый прорезной колокольчик. На кости левой руки был падег бронзовый браслет, а в районе тазовых костей оказались рассыпанными мельчайшие круглые бляшки для нашивки, вероятно украшавшие когда-то пояс погребенного.

Хотя все эти находки представляют определенный интерес, не они составляют главную достопримечательность могилы № 79. В том конце могильной ямы, куда покойник был повернут ногами, рядом с амфорой были найдены остатки конской узды. Ремни узды сгнили, сохранились лишь железные удила и бронзовые части уздечного набора - пряжка, бляхи, кольца. Мы знаем, что наличие в могиле удил или конской сбруи - характерная черта кочевнического погребального обряда. Эти удила символически заменяли собою погребение целого коня, который должен был сопровождать своего хозяина в потусторонний мир. В греческих погребениях конская сбруя никогда не встречается. Поэтому следовало бы предположить, что погребенный в этой могиле подросток происходил из сарматского рода и был похоронен согласно обычаям своих предков.

Но как согласовать это предположение с наличием в той же могиле под челюстью костяка римской монеты? Эта находка ведет нас в мир совсем других, чисто греческих представлений. Согласно этим представлениям, душе покойника, чтобы попасть в царство мертвых, нужно переправиться через подземную реку Ахерон, на которой работает перевозчиком Харон. Для того чтобы умерший мог уплатить за перевоз, ему вкладывали при погребении в рот медную монетку - «обол Харона». Вот такая монета и была найдена в этой могиле под челюстью погребенного. На этот раз в качестве обора Харона была положена бронзовая монета римского императора Августа, обтянутая тонкой золотой фольгой. Такие монеты чеканились в начале I в. н. э. в городе Лугдуне (современный город Лион во Франции).

'Обол Харона' - монета Августа

Судя по найденной во рту покойника монете, можно было бы думать, что подросток погребен по греческому обряду. Но как объяснить в таком случае находку в той же могиле удил и уздечного набора? Мы не можем определить, был ли погребенный подросток эллинизированным меотом или сарматом или, наоборот, происходил из греческой семьи, усвоившей некоторые обычаи окружающих варваров. Но совершенно очевидно, что в инвентаре этой могилы ярко отразилось то смешение различных культурных элементов, греческих и варварских, которое вообще характерно для всей жизни древнего Танаиса.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На улицах Ростова и Таганрога среди реклам новых кинофильмов и щитов с призывами хранить деньги в сберегательной кассе кое-где можно заметить скромные плакаты с изображением амфоры и надписью, стилизованной под греческий алфавит. Плакаты предлагают посетить археологический заповедник «Танаис». Последуйте этому совету, и вам вряд ли придется жалеть о потраченном времени. Пригородная электричка довезет вас из Ростова или Таганрога прямо до подножья городища, и, сойдя на платформе Сущенково, вы окажетесь перед входом в заповедник, о чем предупредительно возвещает надпись у самого железнодорожного полотна. Поднявшись по отлогой дороге на городище, вы очутитесь перед развалинами древнего города, раскопанного археологами.

Заповедник «Танаис» был создан в 1961 г. на базе раскопок Нижне-Донской экспедиции. Материалы раскопок оказались такими богатыми, что Ростовский областной музей краеведения смог создать в Недвиговке свой филиал. Тогда же было решено реставрировать и сделать доступными для всеобщего обозрения руины древнего города, открытые раскопками. Землемеры произвели вымежевку территории заповедника, включив в нее и городище и некрополь Танаиса, каменщики и плотники построили здание музея и служебные постройки, научные работники подобрали и выставили экспонаты...

Здесь размещены экспонаты музея-заповедника

В жаркие весенние и летние дни к дверям музея «Танаис» одна за другой прибывают экскурсии и подходят одиночные посетители от станции железной дороги. А с другой стороны музея, на зеленой лужайке, расположились автобусы и автомашины, привезшие экскурсантов по шоссе Таганрог - Ростов: В небольшом здании музеялюдно и шумно; научные работники с трудом успевают давать необходимые пояснения. Со стендов и витрин музея на посетителей смотрят вещи, сделанные руками давно умерших поколений. Здесь и пузатые тяжелые амфоры для хранения зерна, и изящные, тонкие расписные чаши с рельефными украшениями, и россыпь сердоликовых и стеклянных бус, и греческая надпись на мраморной плите, и каменные зернотерки, и бронзовые монеты. Вещи не только из Танаиса, но и с других археологических памятников низовьев Дона выставлены в витринах музея. Кремневые орудия каменного века, найденные около Недвиговки, красиво украшенные орнаментом горшки из раскопок курганов и поселений бронзового века, прекрасные краснофигурные сосуды с Елизаветовского городища, средневековые лощеные кувшины из кочевнических погребений - все это и многое другое может увидеть любознательный посетитель. По выставленным в музее экспонатам можно представить себе всю историю Нижне-Донского края с момента заселения его человеком в незапамятные времена каменного века до средневековой эпохи.

И все же главное в заповеднике не музей. Ведь подобные экспонаты можно увидеть во многих местах, в том числе и в ближайшем Ростовском краеведческом музее. Из-за них не стоило бы ехать в Недвиговку. А вот открытые раскопками развалины древнего города ни в каком музее не выставишь. И только здесь, на месте раскопок, можно было организовать большой музей под открытым небом, закрепив и реставрировав открытые сооружения.

По городищу бродят от раскопа к раскопу группы экскурсантов. Каждому интересно пройти по улочке древнего города, спуститься по склону оборонительного рва и подняться на развалины крепостной башни, самому найти на поверхности городища черепок греческой амфоры, пролежавшей в земле около двух тысяч лет. А вездесущие мальчишки нарывают заглянуть в каждый колодец, каждую яму, пройти по каждой стене; приходится укрощать их кипучую энергию, запрещая им бегать по раскопу, чтобы они не разрушили бережно сохраняемые и укрепляемые древние кладки.

С интересом знакомятся посетители и с процессом раскопок, подолгу стоят они на борту раскопа, наблюдая, как под ножом и кистью археолога постепенно вырисовываются кости скелета в погребении или завал амфор в помещении, удивляясь и восхищаясь кропотливым и терпеливым трудом исследователей. И конечно, все посетители заповедника задают археологам множество вопросов о том, что это за город, как он очутился под землей, как его

открыли, что здесь найдено и т. д. и т. п. На эти вопросы не всегда бывает легко ответить быстро и кратко. Понадобилась целая книга, чтобы рассказать о том, что мы знаем о древнем Танаисе, и о том, как мы это узнали. Пусть эта книга и явится ответом на все заданные и незадаанные вопросы всех тех, кто любит свой родной край и интересуется его славным прошлым.